

Артур Миллер

Цена

драма в двух действиях
перевод с английского В. Денисова

Действующие лица.

ВИКТОР ФРАНЦ
ЭСТЕР ФРАНЦ
ГРЕГОРИ СОЛОМОН
УОЛТЕР ФРАНЦ

Агентство Театральной Информации

Действие первое.

Сегодня. Нью-Йорк. На заднике два окна. Дневной свет проникает сквозь закопченные стекла, на которых свежей известкой намазан крест — здание предназначено на слом. Свет пробивается и сквозь чердачное окно, которое тоже почернело от грязи, — он падает на покрытое розовым чехлом кресло в центре сцены. Рядом с креслом, справа, на маленьком столике, стоит филигранной работы приёмник двадцатых годов и лежат старые газеты; позади него — торшер. Слева старый патефон и на низеньком столике кипа пластинок. Среди прочего — чистая белая скатерть, швабра и ведро.

Комната неплохо просматривается. Пространство вокруг кресла кажется жилым — там стоят стулья и кушетка, но вся остальная часть комнаты — по стенам и в глубине — сплошной хаос: словно мебель из десяти комнат втиснули в одну эту.

В беспорядке стоят четыре кушетки, три оттоманки, кресла, диван, случайные стулья. Впритык к трем стенам и до потолка громоздятся бюро, шкафы, высокий секретер, книжный шкаф, длинный, искусно сделанный резной обеденный стол, тумбочки, журнальный столик, письменные столы, стеклянные книжные шкафы, низкие стеклянные горки и т. д. На полу длинные скатанные ковры и дорожки. Мы видим также длинное гребное весло, кровати, чемоданы. С потолка на верёвках не соединённые с проводами свисают большая и маленькая люстры. Слева, рядом с обеденным столом, выстроились в ряд двенадцать обеденных стульев.

Комната выглядит богато, но есть в ее атмосфере какая-то тяжесть, в мебели что-то древнегерманское: словно время своим весом давит на все эти резные шкафы, выступы и стены. Комната чудовищно захламлена, в ней очень тесно, и трудно сказать, красива ли мебель или наоборот массивна и безобразна.

На авансцене справа в одиночестве стоит незачехлённая арфа, ее позолота облупилась. В глубине сцены, за временно висящей, линялой портьерой, можно заметить маленькую раковину, газовую плитку и стары холодильник. Справа дверь в спальню, слева — в невидимые коридор и на лестницу. Мы в Манхэттене, на чердаке аристократического особняка, предназначенного на слом.

Из левой двери выходит ВИКТОР ФРАНЦ, он в форме сержанта полиции. ВИКТОР останавливается, смотрит по сторонам, делает несколько неуверенных шагов, потом опять останавливается. Его лицо не слишком выразительно — вид комнаты его не тревожит. Он переводит взгляд с одного предмета на другой, пытаясь уловить смысл их необходимого здесь присутствия.

Он торжественно, словно к гробу, подходит к арфе и, немного помедлив, дергает струну. Затем поворачивается и идет к обеденному столу, снимает пояс с пистолетом, затем мундир, вешает их на стул, который отодвигает от стола, где он вместе с другим стоял вверх ногами. Затем некоторое время смотрит на часы. Вдруг его взгляд

останавливается на кипе пластинок рядом с патефоном. Он снимает крышку, ставит пластинку, заводит и ставит адаптер на пластинку. Галахер и Шин поют, он улыбается. Пластинка играет, а он берет длинное гребное весло, которое стояло, прислоненное к мебели. Теперь он что-то вспомнил — лезет за шкаф и достает оттуда рапиру и маску. Все еще что-то вспоминая, делает движение рапирой в воздухе, будто колет. Затем кладет рапиру и маску на стол, берет несколько пластинок и вдруг видит название, которое его веселит. Он ставит эту "смеющуюся" пластинку": два человека безуспешно пытаются договорить фразу — им мешают приступы смеха.

Он широко улыбается. Хихикает. Потом и сам начинает смеяться. Смех всерьез разбирает его — вот он уже приседает и держится за живот — делает шаг вперед, чтобы не упасть.

Из левой двери появляется его жена ЭСТЕР. Он стоит к ней спиной. На её лице что-то вроде улыбки — она ищет того, кто смеётся вместе с её супругом. Затем идет к нему — он слышит её шаги и оборачивается.

ЭСТЕР. Что происходит?

ВИКТОР (удивленно). Привет! (Поднимает звукозаписывающее устройство и улыбается, слегка смущенный).

ЭСТЕР. Здесь что, вечеринка? (О пластинке). Что это?

ВИКТОР (чмокает ее. Затем, стараясь открыто не выражать своего неодобрения). Где пила-то?

ЭСТЕР. Я же тебе сказала: ходила проверяться. (Развязно смеется, стремясь показать, что все соображает).

ВИКТОР. Ну, ты даёшь, с этим доктором. А я-то думал, он прописал тебе воздержание.

ЭСТЕР (смеётся). Только одну, а от одной ничего не будет. И вообще все в полном порядке. А тебе от него привет. (Смотрит по сторонам).

ВИКТОР. Что ж? прекрасно. А скупщик, между прочим, уже вот-вот, если ты собираешься что-то оставлять.

ЭСТЕР (со вздохом оглядывает комнату). Господи, опять двадцать пять!

ВИКТОР. Как старуха поработала, нормально?

ЭСТЕР. Да — такой чистоты никогда не было. (Показывая вокруг). Интересно.

ВИКТОР (пожимая плечами). Интересно то, что меня она даже не узнала, представляешь?

ЭСТЕР. Дорогой, ведь прошло сто пятьдесят лет. (Смотрит по сторонам и качает головой). Ха-ха.

ВИКТОР. Ты что?

ЭСТЕР. Это я о времени.

ВИКТОР. Понимаю.

ЭСТЕР. За это время здесь что-то изменилось.

ВИКТОР. Да нет, всё как было. (Показывая на часть комнаты). Здесь стоял мой стол и кровать. А остальное так и стоит.

ЭСТЕР. Она всегда казалась мне претенциозной и даже буржуазной, но у неё есть свой стиль, и, по-моему, он опять в моде. Удивительно!

ВИКТОР. Ну, так что мы оставим?

ЭСТЕР (смотрит по сторонам, нерешительно). Даже и не знаю. Она такая массивная... где мы её поставим? А комод чудесный. (Подходит к комоду).

ВИКТОР. Это мой. (Показывает на другую часть комнаты). А тот был Уолтера. Пара.

ЭСТЕР (сравнивая). О да. Ты с ним связался?

ВИКТОР (смотрит в сторону — этот вопрос ему не слишком нравится). Сегодня утром звонил ещё раз, но он был на консилиуме.

ЭСТЕР. В своей больнице?

ВИКТОР. Да. Сестра попросила подождать, поговорила с ним — ну, это не важно. Я ему передал и теперь могу делать что угодно.

Она подавляет в себе желание ответить — поднимает лампу.

Это, наверное, настоящий фарфор. Может, она подойдёт для спальни-то?

ЭСТЕР (опуская лампу). Зачем я вернулась? Все это так действует на нервы.

ВИКТОР. Ну уж. Ведь долго-то не продлится. Сядь-ка и отдохни — он должен быть с минуты на минуту.

ЭСТЕР (сидя на кушетке). Эта мебель отдает каким-то маразмом. И всегда отдавала — да-да. И вся эта история.

ВИКТОР. Ладно, без эмоций. Продадим — и конец. А я, между прочим, взял билеты.

ЭСТЕР. Хорошо. (Откидывая голову). Надеюсь, милый, что хоть фильм-то хороший.

ВИКТОР. Не просто хороший, а шедевр. За два-то с полтиной.

ЭСТЕР (неожиданным протестом). Да мне плевать! Куда-то же надо ходить! (Закрывая эту тему, оглядывает комнату). Господи, что все это значит? Я поднималась сейчас по лестнице — все двери настежь... Невероятно!

ВИКТОР. Детка, здесь каждый день что-то ломают.

ЭСТЕР. Да знаю, но чувствуешь себя при этом так, будто тебе сто лет. Ненавижу пустые комнаты. (Вспоминая). А как звали того полового разбойника, ну он еще снимал переднюю комнату, помнишь, который чинил саксофоны?

ВИКТОР (улыбаясь). О, Зальцман. (Разводя руками). Ну, этот времени даром не терял.

ЭСТЕР. Да. Каждый раз, когда я к тебе поднималась, он смотрел на меня как похотливая обезьяна! Как он снимал всех этих смазливых девок?

ВИКТОР (смеется). Бог знает. Наверное, от него приятно пахло.

Она смеется — он тоже.

Он и сюда иногда забегал, где-нибудь в середине дня! "Виктор, спускайся скорее. У меня сейчас такие!"

ЭСТЕР. И ты к нему ходил?

ВИКТОР. А почему нет? Раз лишняя-то была.

ЭСТЕР (краснея). Ты мне об этом никогда не говорил.

ВИКТОР. Нет, но это же было до тебя. В основном.

ЭСТЕР. Кобель.

ВИКТОР. Ну и что? Была же депрессия.

Такое объяснение вызывает у нее улыбку.

Нет, правда, по-моему, люди тогда были как-то проще, и можно было подтрахиваться даже днем. А с сестрами Маклафлин из машбюро прямо там же, на диване. (Смеется). Отец говорил про них: "Эти сестрички за пару долларов с тебя не только копию снимут..."

Она смеется, страсти утихают.

ЭСТЕР. Наверное, они все уже на том свете.

ВИКТОР. Зальцман, может быть, при такой-то жизни. Хотя... (Удивленно качает головой и негромко смеется). Боже, да и он наверняка жив. По-моему, ему сейчас... да столько сколько мне. Ха! (Думая о скоротечности времени, на секунду в молчании застывает).

ЭСТЕР (встает и идет к арфе). Ну, и где же твой скупщик?

ВИКТОР (бросая взгляд на часы). Без двадцати шесть. Скоро должен быть.

Она проводит пальцем по струнам.

За нее кое-что дадут.

ЭСТЕР. И, по-моему, не только за неё. Но, ясное дело, ты не должен продешевить. Нельзя же соглашаться на их цену...

ВИКТОР (собираясь протестовать). Я умею торговаться, не волнуйся, так просто не отдам.

ЭСТЕР. Торговаться ведь принято, разве не так?

ВИКТОР. Да не волнуйся, ведь мы еще не начинали. И я действительно буду торговаться. К тому же я знаю, как с ними надо.

ЭСТЕР (уклоняясь от продолжения спора, идет к патефону, загораясь легкой радостью). Что это за пластинка?

ВИКТОР. Комики. В двадцатые это был шлягер.

ЭСТЕР (с любопытством). И ты их помнишь?

ВИКТОР. Очень смутно. Мне тогда было лет пять или шесть. Их заводили на вечеринках специально, чтобы узнать, кто дольше не засмеётся. Должно быть, все сидели вокруг и смеялись.

ЭСТЕР. Прекрасно.

Их отношения, скажем так, почти наладились. Он к ней поворачивается.

ВИКТОР. А ты недурно выглядишь.

Она смотрит на него со смущённой улыбкой.

Да, правда. Я же сказал, что собираюсь торговаться, так почему ты...

ЭСТЕР. Да я верю. Вот мой костюм.

ВИКТОР. О, этот? И сколько? Повернись-ка.

ЭСТЕР (поворачиваясь). Сорок пять, представляешь? Сказал, что его не берут — слишком простой.

ВИКТОР (поддерживая согласие). Детка, женщинам его не оценить. Но он действительно красивый. Видишь, я же не возражаю, когда ты что-то покупаешь, хотя половина того, что продается, сплошное дерьмо. (Подходя к ней). Кстати что это за воротник? Это из тех, которые ты только что купила?

ЭСТЕР (рассматривая воротник). Нет, это старый.

ВИКТОР. Ну, пусть так. (Показывая ей свой каблук). Хочу написать в союзпотреб — как они там делают. Три недели — и посмотри!

ЭСТЕР. Ходить надо прямо. Но, надеюсь, ты пойдёшь не в форме?

ВИКТОР. Убить его мало, этого парня! Только что сменился, а Макгоуан брал отпечатки у этого подонка. Тот сопротивлялся. Тогда Мак начал крутить ему руки, ну, тут-то он прямо мне по подносу.

ЭСТЕР (словно ей это что-то напомнило). О Господи!

ВИКТОР. Я ее сразу в срочную, и к шести обещали сделать.

ЭСТЕР. Кофе было с сахаром и со сливками?

ВИКТОР. Да.

ЭСТЕР. Тогда к шести вряд ли успеют.

ВИКТОР (успокаивая себя). Обещали.

ЭСТЕР. Да забудь ты об этом.

Небольшая пауза. Но теперь уже разволновалась она — ее взгляд блуждает.

ВИКТОР. Ладно, это ведь всего лишь кино.

ЭСТЕР. Но мы так редко куда-нибудь ходим, вот все и увидят, сколько ты получаешь. А я хочу ходить. Хочу ходить в рестораны, и чтобы какой-нибудь без всяких пьянчужек, которые пристают с рассказами о своем славном полицейском прошлом.

ВИКТОР. Да это и было-то всего два раза. За все эти годы, Эстер, мне кажется...

ЭСТЕР. Я знаю, это не важно, но хочу, чтоб как тогда, когда тот человек в музее, он принял тебя за скульптора.

ВИКТОР. А я похож на скульптора.

ЭСТЕР (сдерживаясь). Но это было приятно — и все тут! И действительно, Вик, в костюме ты смотришься. Разве нет? (Снова откидывает голову на спинку). Надо было запомнить, что это за виски.

ВИКТОР. Все они из одного дерьма.

ЭСТЕР. Знаю, но некоторые вкуснее.

ВИКТОР (смотрит на часы). Посмотри-ка, а ведь он обещал ровно полшестого. Обещают что угодно. (Ходит по комнате с усиливающимся беспокойством, пытается погасить свое недовольство ее настроением. Его взгляд падает на выдвинутый ящик комода, он открывает его и вынимает коньки). Посмотри-ка, на них все еще можно ездить. (Проводит по лезвию ногтем).

Она смотрит на него и отворачивается.

Они даже острые. Надо будет как-нибудь сходить на каток. (Видит ее упорное нежелание общаться). Эстер, я же тебе сказал, что буду торговаться... Видишь: пить не умеешь — вот и депрессия.

ЭСТЕР. Ну такая депрессия — что надо.

ВИКТОР. Давай-давай.

ЭСТЕР. А у меня идея.

ВИКТОР. Какая?

ЭСТЕР. Почему бы тебе не уйти? А мне будешь посылать мелочь — на кофе и сигареты.

ВИКТОР. Тогда ты вообще из постели вылезать не будешь.

ЭСТЕР. Буду. Разок в неделю.

ВИКТОР. У меня идея получше. Почему бы куда-нибудь не уехать тебе — например, на пару недель со своим доктором? Я серьезно. Чтобы тонус повысить.

ЭСТЕР. Если бы.

ВИКТОР. Так давай поезжай. Он вполне подходит. Возьмешь с собой собаку, да-да, именно собаку.

Она смеется.

Ничего смешного. Потому что каждый раз когда ты отправляешься на эти прогулки — даже в дождь, — я сижу как на иголках и должен думать, кого ты еще принесешь.

ЭСТЕР (опять смеется). О, но ты ж ее любишь!

ВИКТОР. Очень люблю! Ты нажираешься и приносишь с собой каких-то животных, а я должен их любить. Да не люблю я эту проклятую собаку!

ЭСТЕР (опять смеется, но доброжелательность сочетается в ее голосе с женским вызовом.). Но я так хотела собаку!

ВИКТОР (немного помедлив). Эстер, собака не решает проблему. Ты же умная способная женщина, ты не должна весь день валяться в постели. Даже если уехать не надолго — все-таки перемена обстановки.

ЭСТЕР. А я не хочу менять обстановку.

Небольшая пауза.

Просто не могу привыкнуть к отсутствию Ричарда — вот и все.

ВИКТОР. Он уехал, детка. Он уже взрослый, а ты должна придумать что-то для себя.

ЭСТЕР. Но я же не могу каждый день ходить в одно и то же место. Никогда не могла, да и не хотела. Так ты попросил, чтоб тебя соединили с братом?

ВИКТОР. Медсестру? Да. Но он не смог оторваться.

ЭСТЕР. Сукин сын! Это отвратительно.

ВИКТОР. Ну, что поделаешь? У него никогда ко мне не было чувств.

ЭСТЕР. Каких чувств! Подойти к телефону когда не видел брата шестнадцать лет? Это же элементарная порядочность. (С неожиданно глубокой симпатией). Ты рассердился, да?

ВИКТОР. Только на себя. Звонил ему столько раз, всю неделю как идиот... Да черт с ним, сам справлюсь. Так даже лучше.

ЭСТЕР. А его доля?

Он ходит по комнате, удрученный и взволнованный.

Не хочу быть троглодиткой, но ведь это тоже деньги, а, Вик?

Он молчит.

Или ты собираешься с ним делиться, а?

ВИКТОР (принимая решение). Я об этом думал. У него есть право на половину и с чего это ему от нее вдруг отказываться?

ЭСТЕР. Я думала, ты решил оставить это на его усмотрение.

ВИКТОР. Теперь передумал. И с чего это он мне что-то должен, где это записано?

ЭСТЕР. Интересно только, сколько у него кадиллаков.

ВИКТОР. Сколько надо. Кто любит деньги, ими не сорит.

ЭСТЕР. Я просто не понимаю зачем тебе вся эта филантропия? Существует же такая вещь, как моральный долг. Вик, ты и сделал ему карьеру. В каком законе сказано, что только он мог учиться на медицинском?

ВИКТОР. Эстер, пожалуйста, давай об этом не будем, а?

ЭСТЕР. Давай не будем, но учился-то ты лучше. Это действительно долг, и он должен об этом знать. И ему никогда бы его не закончить, если бы папочку не взял себе ты. Я хочу сказать, надо же когда-нибудь ему это выложить. Тем более теперь, когда речь идет о деньгах.

ВИКТОР. Сомневаюсь. Ведь это не антиквариат и не...

ЭСТЕР. Раз наше, значит, ничего и не стоит?

ВИКТОР. Не понимаю, к чему это?

ЭСТЕР. А к тому, что так мы и думаем. Так и живем.

ВИКТОР (резко). Человек даже не подходит к телефону, а я уже должен...

ЭСТЕР. Напиши ему письмо, расколоти дверь! Ведь мебель принадлежит тебе!

ВИКТОР (крайне удивлен, увидев, насколько искренне она это говорит). Но почему это тебя так взволновало?

ЭСТЕР. Да потому что тогда ты сможешь спокойно уйти в отставку!

Небольшая пауза.

ВИКТОР (пытаясь скрыть свои намерения, неохотно). Но дело же не в деньгах.

ЭСТЕР. Тогда в чем?

Он молчит.

Просто я подумала что месяц-другой ты мог бы посидеть, пока не найдешь себе что-нибудь по душе.

ВИКТОР. Именно об этом я сейчас и думаю. И для этого вовсе не обязательно подавать в отставку.

ЭСТЕР. Но, по-моему, ничего не придумал.

ВИКТОР. Это что, так легко? Мне ведь скоро пятьдесят, и в такие годы все сначала не начинают. Не понимаю, что это тебе вдруг приспичило.

ЭСТЕР (смеется). Мне приспичило? Да я твержу об этом с того дня, как тебе дали должность. Одно и то же целых три года!

ВИКТОР. Ну не три...

ЭСТЕР. В марте как раз будет три! Три года. Если б ты тогда вернулся в институт, сейчас бы уже кончал... Вот и была возможность заняться чем-то интересным, что, не правда? Почему не проявить активность?

ВИКТОР (медлит, ему почти стыдно). Скажу тебе правду: я не уверен, что из этого может что-то выйти. Когда я начну, мне будет пятьдесят три или пятьдесят четыре.

ЭСТЕР. Но ты это знал.

ВИКТОР. Знал. Но как дошло до дела... так я не уверен, что в этом есть смысл.

ЭСТЕР (отходит, с грустью в голосе). Ну, именно это я тебе и пыталась внушить тысячу раз: смысл тут есть. А может, у тебя впереди ещё лет двадцать, а это немало. За такое время можно сделать много интересного.

Небольшая пауза.

Ты так молод, Вик.

ВИКТОР. Правда?

ЭСТЕР. Конечно. Я нет, а ты да. Господи, да на тебя девочки все ещё смотрят, так чего тебе надо?

ВИКТОР (издав легкий смешок). Трудно сказать, Эс, я ведь в этом не разбираюсь.

ЭСТЕР. Но почему бы не поговорить о том, в чем ты не разбираешься? Почему ты непременно должен считать авторитетом только себя?

ВИКТОР. Ну, хотя бы потому, детка, что кто-то из нас должен держать руль.

ЭСТЕР. И ты хочешь, чтоб я притворялась и говорила, что все прекрасно? Водить меня за нос, и чтоб я делала вид, что этого не замечаю? (Это давно загонялось вглубь, а теперь прорвалось). Я тебя пятьдесят раз просила написать письмо Уолтеру...

ВИКТОР (машинально). Опять Уолтер? Но какое он имеет отношение к...

ЭСТЕР. Он солидный ученый и работает в какой-то новой области.. Я видела в газете фотографию, это его больница!

ВИКТОР. Эстер, человек не звонил мне шестнадцать лет.

ЭСТЕР. Но и ты ему тоже!

Он смотрит на нее с удивлением.

Да — и ты тоже. Это факт.

ВИКТОР (будто эта невероятная мысль только что пришла ему в голову). А чего это я стану ему звонить?

ЭСТЕР. Потому что он твой брат, он имеет влияние и может помочь. Да, Вик, так поступают все. В этих статьях, которые он опубликовал, там есть настоящий идеализм и подлинная человечность. Я хочу сказать, люди меняются.

ВИКТОР (отворачиваясь). Прости, но в Уолтере я не нуждаюсь.

ЭСТЕР. Я не говорю, что ты должен гладить его по головке; он, конечно, чудовищный эгоист, но он вполне может направить тебя по верному пути или что-нибудь еще. И я не вижу здесь никакого унижения.

ВИКТОР (удрученный и раздраженный). Но все же я не понимаю, к чему такая спешка.

ЭСТЕР. К тому что я, черт возьми, не знаю, что будет дальше. (К своему удивлению она заканчивает эту фразу, переходя на крик. Он молчит. Она продолжает, но уже гораздо мягче). Я сделала бы что угодно, если б знала, но все эти годы мы говорили: вот выйдем на пенсию — тогда и заживем. Это все равно, что двадцать пять лет ломиться в дверь, наконец она открылась... а мы замерли на месте. Иногда я удивляюсь: может, я тебя не понимаю, и ты так любишь свой участок?

ВИКТОР. Да я его ненавижу.

ЭСТЕР. Тогда виновата только я! Клянусь тебе, если б я была понастойчивее, ты бы обязательно сдвинулся с места.

ВИКТОР. Неправда. Ты была замечательной женой...

ЭСТЕР. Не думаю. Конечно, дома тебе нужно было спокойствие, вот я и старалась, но надо было что-то еще. Господи, ведь перед тем, как сюда въехать, я же смотрела, — такое все жуткое. Потёртое, обшарпанное, безвкусное. А у меня вкус — ой-ой-ой! И я это знаю! Здесь все всегда было временное, да и мы тоже. Будто никогда никем и не были — только собирались. Я вспомнила сейчас о войне, на ней каждый дурак делал столько денег! Тогда-то тебе и надо было уйти, и я это знала, я знала!

ВИКТОР. Тогда я и сам хотел.

ЭСТЕР. Вик, я ведь влила в себя только одну, так что не надо...

ВИКТОР. Вот именно, не надо. Не надо ставить все с ног на голову, детка. Это я хотел, а ты испугалась.

ЭСТЕР. Потому что ты сказал: "После войны будет депрессия."

ВИКТОР. Что ж, сходи в библиотеку и полистай газеты за сорок пятый год, почитай, что в них написано.

ЭСТЕР. Да мне плевать! (Отворачивается, недовольная собственной непоследовательностью).

ВИКТОР. Честное слово, Эс, иногда ты говоришь так, словно мы вообще и не жили.

ЭСТЕР. Господи — как же мамочка была права! А я — я всегда не верила собственным глазам! Я же знала, что ты никогда не уйдёшь, если уж во время войны не ушел... Я видела, что происходит, видела и молчала. Но знаешь, чёрт побери, в чем самый ужас?

ВИКТОР (смотрит на часы, чувствуя, что конец ее бунта уже близок). И в чем же, черт побери, самый ужас?

ЭСТЕР. В том, что мы никогда по-настоящему не думали о деньгах. Конечно, они нас волновали, мы о них говорили, но на самом деле мы никогда их по-настоящему не хотели. Я хотела, а ты нет. Вик, я действительно их хотела. Да, Вик. Я ХОЧУ ДЕНЕГ!

ВИКТОР. С чем тебя и поздравляю!

ЭСТЕР. Да пошёл ты к черту!

ВИКТОР. Эстер, я бы хотел, чтобы ты перестала сравнивать себя с другими. В последнее время ты только этим и занимаешься.

ЭСТЕР. Значит, иначе уже не могу.

ВИКТОР. Тогда, детка, тебе будет очень плохо, потому что всегда кто-нибудь тебя обскочит. Но в чем, собственно, трагедия? У меня тоже характер, как и у тебя, и я не меняюсь...

ЭСТЕР. Нет, ты очень даже меняешься. Как только замаячила перспектива отставки, ты все время слоняешься то назад то вперед, стал таким странным...

ВИКТОР. Что ж, это ведь проблема, хотелось бы, конечно, побольше уверенности, но... Знаешь, я уже заполнил несколько бумаг.

ЭСТЕР (с тревогой). И?

ВИКТОР (с трудом, сам не понимая почему). Просто надеюсь, что будет какое-то завершение... (Обрывает фразу).

ЭСТЕР. Ты ещё на что-то надеешься?

ВИКТОР. Я понимаю, это глупо. Но когда видишь эти дурацкие бумаги, то не можешь удержаться от вопроса: как, двадцать восемь лет подписывать протоколы — и все? И это конец? Это, конечно, все. Но беда-то в том, что когда начинаешь затевать что-то новое, вспоминаешь о пятерке с ноликом — и в жар бросает... Но что-то делать все-таки надо. Надо! (Теперь с большей близостью по отношению к ней). Пока ещё не знаю что, но каждый раз, как начинаю думать, такой страх...

ЭСТЕР. Чего?

ВИКТОР. Знаешь, так я себя чувствовал, когда сюда впервые вошел... (Осматривается). Меня настолько поразило все это безумие... Тащить сюда все это барахло, словно ему цены нет. (Слегка смутившись, пытается засмеяться). А я ведь тоже хранил, черт возьми, всякую дрянь, даже гвозди для ковров. (Поворачивается к креслу, стоящему в центре). И все это ради него — сейчас это кажется нелепым.

ЭСТЕР (чувство жалости берет верх над сочувствием). Что ж... значит любил его.

ВИКТОР. Знаю, но в словах это не... Кто он был такой? Обанкротившийся бизнесмен, как и сотни других. А я вел себя с ним, будто гора рухнула... По правде

говоря, сейчас вся эта история звучит так, словно я слышу ее со стороны. А тебе так не кажется?

ЭСТЕР. Очень даже.

ВИКТОР. О, так давай...

ЭСТЕР. Это правда. Впервые я поднялась по этим ступенькам в девятнадцать. А когда ты открыл тот чемодан и в нем я увидела твою первую форму — помнишь? Как ты впервые ее надел? И сказал: "Если что-то случится — зови полицию!"

Оба смеются.

Это было как на маскараде. И действительно — так и было.

ВИКТОР (ее боль передается ему). Знаешь, Эстер, ты иногда прямо как ребенок и...

ЭСТЕР. А я и хочу им быть! Мне надоело... Да ладно, все. Я хочу выпить. (Идет за кошельком).

ВИКТОР (удивленно). Что такое, потянуло на приключения? И куда это ты собралась так прямо сразу?

ЭСТЕР. Не могу здесь больше, пойду пройдуся.

ВИКТОР. Перестань врать!

ЭСТЕР. Что я алкоголичка?!

ВИКТОР. Живешь, между прочим, гораздо лучше многих. Но обязательно надо побаловаться или что?

ЭСТЕР (показывая на мебель). Не разговаривай со мной, как с ребёнком, Виктор, не в этой комнате. Из-за тебя это все здесь уже столько лет — не можешь просто поговорить с собственным братом! И я еще и балуюсь! Да тебе же самому все ещё восемнадцать! И пусть даже у меня нет мозгов, но это-то я вижу!

ВИКТОР (оскорблённо). Ладно. Давай-давай.

ЭСТЕР (никак не может уйти). Где квитанция? Давай я ее возьму.

Он не двигается — она уточняет.

Мне просто необходимо пройтись.

ВИКТОР (достаёт квитанцию и отдает ей. С хохотком в голосе). Это прямо на Пятой Авеню. Там есть адрес. (Отходит).

ЭСТЕР. Возьму и сразу вернусь.

ВИКТОР (освобождая ее от ее безответственности). Делай, детка, как знаешь. Правда.

ЭСТЕР. Сегодня ночью ты опять скрипел зубами. Знаешь?

ВИКТОР. О, так вот почему у меня болят уши.

ЭСТЕР. Жалко я не включила магнитофон. Хочу сказать, это ужасно, звуки будто начался камнепад. Надо, чтоб ты сам послушал, может, сомнения поубавится.

Он не отвечает и, встревоженный и оскорбленный идет в глубь сцены словно для того, чтобы посмотреть на мебель.

ВИКТОР. Ого! По-моему, я нашел приемник.

ЭСТЕР (испуганно — пытается улыбнуться и идет вслед за ним). Какой приемник?

ВИКТОР (двигает стул, становится на корточки и вытаскивает из ящика огромное старое радио). Какой еще?

Небольшая пауза.

ЭСТЕР (налаживая связь). Что это?

ВИКТОР. О, это один из моих старых самодельных приемников. Мама моя, посмотри-ка на эти лампы!

ЭСТЕР (выражая большее удивление, чем на самом деле). И он работает?

ВИКТОР. Нет, нужны батареи. (Что-то вспомнив, неожиданно смотрит на потолок).

ЭСТЕР (делая то же самое). Что там?

ВИКТОР. Одна из батареек взорвалась и прямо туда. (Показывает). Видишь, штукатурка другого цвета?

ЭСТЕР (стараясь подбросить в разговор уголек). Это тот, по которому ты поймал Токио?

ВИКТОР (не смягчаясь, бесстрастно). Да, то самое чудовище.

ЭСТЕР (с теплотой в голосе). Почему ты его не ставишь?

ВИКТОР. А, бесполезно.

ЭСТЕР. По-моему, ты рассказывал, что у тебя здесь была лаборатория, или мне приснилось?

ВИКТОР. Конечно, но когда мы с отцом сюда въезжали, пришлось разобрать. У Уолтера была та стена, у меня — эта. Чего мы только здесь не выделявали!

Она следит за ним взглядом, он же смотрит в сторону и начинает расхаживать.

Буду, детка, с тобой откровенным: со мной происходит нечто необъяснимое. Знаю все: что, как, отчего, почему — и никаких выводов. (Подходит к арфе, трогает струны). Знаешь, странно, я и забыл: когда-то в этой рабочей комнате звучала музыка. Мама часами играла в библиотеке. Странно, потому что арфа инструмент негромкий, но звуки как-то проникали.

ЭСТЕР. Ты хороший, Вик, ты...

Подходит к нему, но он отворачивается и смотрит на часы.

ВИКТОР. Придется вызывать другого. Давай пойдем вместе. (С чувством притворной, вымученной радости). Возьмем форму и все будет...

ЭСТЕР. Вик, я не хочу, чтобы...

ВИКТОР. Ладно. Подожди, дай-ка я все это уберу, чтобы кто-нибудь не споткнулся. (Достает рапиру и маску).

ЭСТЕР. И ты все ещё не разучился?

ВИКТОР (в его голосе к холодку добавляется грусть). О нет, для этого надо быть в форме. Вот здесь, например, в бедрах...

ЭСТЕР. Ну давай же, покажи, я никогда не видела, как ты это делаешь.

ВИКТОР (чуть-чуть отступая). Хорошо, но только не все. (Встает в позицию, ставя ноги под нужным углом, но с трудом удерживается, чтобы не упасть).

ЭСТЕР. Может, заняться этим?

ВИКТОР. О нет, без тренировки... Это же один из самых искусных видов спорта. (Вновь становится в позицию). Хорошо, встань-ка здесь.

ЭСТЕР. Я?

ВИКТОР. Да не бойся. (Хватаясь за конец). Прекрасная рапира, смотри какая долговечная! Ей я выиграл в Принстоне. (Устало смеется и делает выпад — шишечка почти касается ее живота).

ЭСТЕР (отскакивая). Господи! Виктор!

ВИКТОР. Что?

ЭСТЕР. Какой же ты красивый!

Удивленный и слегка смущенный, он смеется — в этот момент они оба поворачиваются к двери: из коридора доносится кашель, который становится все громче. Входит ГРЕГОРИ СОЛОМОН. Это целое явление: человеку под девяносто, а у него прямая спина, и он такой большой, что, кажется, закрывает собой все пространство. Опирается СОЛОМОН на палку но это отнюдь не придает ему слабости.

Одет он в бесформенное пальто, на голове — запыленная, подбитая мехом, поношенная черная шляпа, слегка заломленная на правый бок — а ля Джимми Уокер. Из под загнутых углов воротника рубашки виднеется засаленный, завязанный большим узлом галстук — он съехал набок. Жилет весь в складках, брюки мешковаты. На левом указательном пальце огромный перстень с бриллиантом. Под мышкой он держит издававший виды кожаный портфель. Сегодня СОЛОМОН ещё не брился.

Все еще кашляя, задерживая дыхание и стараясь сбросить с лацканов своего пиджака пепел от сигары (безнадёжная попытка показаться бизнесменом) он кивает ЭСТЕР и ВИКТОРУ и поднимает руку в знак того, что скоро заговорит. Успевает при этом с подозрением взглянуть на рапиру, которую ВИКТОР все ещё держит концом вверх.

ВИКТОР. Может, вам воды?

Пытаясь перестать кашлять, СОЛОМОН делает протестующий жест.

Почему же вы не садитесь?

Соломон жестом выражает благодарность, садится в кресло в центре сцены и постепенно перестает кашлять.

Вы уверены, что воды не надо?

СОЛОМОН (с местечковым акцентом). Воды мне не надо, а вот крови, пожалуй... Благодарю вас.

Тяжело дыша, смотрит на ВИКТОРА — тот опускает рапиру.

Ох, уж эти ступеньки.

ЭСТЕР. Сейчас лучше?

СОЛОМОН. Еще несколько шагов и я был бы в раю. О, извините, начальник, я ищу одну семью по фамилии... (Лезет в жилетный карман).

ВИКТОР. Франц.

СОЛОМОН. Вот-вот. Франц.

ВИКТОР. Это я.

СОЛОМОН всё еще не верит.

Виктор Франц.

СОЛОМОН. Так вы полицейский?

ВИКТОР (с ухмылкой). У-гу.

СОЛОМОН (показывая на ЭСТЕР). Тогда все в порядке. Знаете, занятие преме́рзкое, но иногда встречаешь интересных людей. Но с полицией дела я ещё не имел. (Протягивает руку). Очень рад познакомиться. Меня зовут Грегори Соломон. Соломон.

ВИКТОР (пожимая руку). А это моя жена.

ЭСТЕР. Здравствуйте.

СОЛОМОН (одобрительно кивнув ЭСТЕР). Очень приятно. (ВИКТОРУ). А она прямо красotka. (Тянется к ней). Здравствуйте, милочка. А какой прекрасный костюм!

ЭСТЕР (смеется). В самом деле? А я ведь только его купила!

СОЛОМОН. Так у вас ещё и хороший вкус? Поздравляю, носите на доброе здоровье. (Убирает руки).

ЭСТЕР. Дорогой, я в чистку, но скоро вернусь. (Делает шаг к двери, СОЛОМОНУ). Это надолго?

СОЛОМОН (осматривая мебель, как соперника, с которым надо вести борьбу). С мебелью никогда не знаешь — надолго, или ненадолго или на не очень долго.

ЭСТЕР. Ну, я надеюсь, вы ее оцените по достоинству, а?

СОЛОМОН. Ага. (Машет рукой). Слушайте, идите уже в чистку, а мы прекрасно сами во всем разберёмся.

ЭСТЕР. Потому что здесь много хорошего, я-то знаю. Я, а не он.

СОЛОМОН. Я работаю в этом деле шестьдесят два года и еще никого не надувал. Идите, и пусть вам там будет хорошо.

ОНА и ВИКТОР смеются.

ЭСТЕР (грозя СОЛОМОНУ пальцем). Надеюсь, я останусь вами довольна.

СОЛОМОН. Золотко, мной все женщины всегда были довольны, что тут поделаешь!

ЭСТЕР (всё еще улыбаясь, ВИКТОРУ, идя к двери). Ну, а ты будь начеку.

ВИКТОР (кивая). Пока.

Она выходит.

СОЛОМОН. Люблю, когда женщина недоверчива.

ВИКТОР (удивленно смеется). Это вы о чём?

СОЛОМОН. Это я о том, что когда женщина слишком доверчива, как можно ей доверять!

ВИКТОР одобрительно смеётся.

Вот была у меня жена... (Жестом себя прерывая). А, да какая разница! Ответьте, если вы, конечно, не против, как вы меня нашли?

ВИКТОР. По телефонной книге.

СОЛОМОН. Ах, оставьте, какая там книга!

ВИКТОР. Как, какая?

СОЛОМОН (загадочно). Нет-нет, всё в порядке, все в порядке.

ВИКТОР. Там вы зарегистрированы как оценщик.

СОЛОМОН. О да, я зарегистрирован. Я запатентован. Мне даже привили оспу.

ВИКТОР смеется.

Не смейтесь, если вы не зарегистрированы, то вам остается только подняться на лифте и сигануть из окна. Но зачем я вам это говорю, вы же полицейский, и сами знаете эту жизнь. (Надеясь на контакт). Разве не так?

ВИКТОР (сдержанно). Может, и так.

СОЛОМОН (осматривая мебель. Одна рука на бедре, другая как бы естественно и в то же время элегантно лежит на ручке кресла). Так. (Смотрит вокруг и продолжает с нерешительней улыбкой). Сколько же у вас мебели! И что, все продаёте?

ВИКТОР. Угу.

СОЛОМОН. Хорошо, хорошо. Я просто хотел ещё раз убедиться. (Со слабой надеждой ни ответную улыбку). Откровенно говоря, никак не ожидал увидеть в этом районе такое нагромождение.

ВИКТОР. Но это со всего дома.

СОЛОМОН (с какой-то неуверенностью). Слушайте, что вы волнуетесь, все будет прекрасно. (Встает из кресла и идет к паре шифоньеров, которые ему, очевидно, понравились. Затем смотрит на люстру, потом прямо на ВИКТОРА). Начальник, я не хочу вникать, но все же — какая связь? Как к вам это попало?

ВИКТОР. Это мебель моей семьи.

СОЛОМОН. Ах, оставьте. По-моему, она стоит здесь уже сто лет, нет?

ВИКТОР. Да, отец перетачил все сюда после кризиса в двадцать девятом. Дом отошёл к кредиторам, а у него остался лишь этот этаж.

СОЛОМОН (как бы подчёркивая, что он верит). Понятно. (Идёт к арфе).

ВИКТОР. Вы уже оценили или вам надо...

СОЛОМОН (поглаживая раму арфы). Еще нет, но сейчас подсчитаю. Долго я вас не задержу, у меня столько работы. (Трогает струну, прислушивается. Потом наклоняется и проводит пальцами по резонатору). Ваш отец скончался?

ВИКТОР. О, давно — около шестнадцати лет назад.

СОЛОМОН (выпрямляясь). И это стоит здесь шестнадцать лет?

ВИКТОР. Ну, мы не собирались ничего трогать, но дом-то ломают, значит.. А вещи хорошие, вы же видите, хотя тогда купить их для него было пара пустяков.

СОЛОМОН. Очень хорошие, да, я же вижу. (Бросив последний взгляд на арфу). Я тоже был очень хороший, а вот теперь уже не очень. Вы же знаете, время ужасная штука. (Показывает на арфу). Вот и резонатор дал трещину, вы же видите. Но вы не волнуйтесь — это все ещё приличная вещь. (Идет к шкафику и трогает фанеру). Забавная истории с этими шкафами: тридцать лет на них никто даже не смотрел, боялись как чумы, а сегодня они вдруг опять в моде. Вот и думай. (Идет к одному из комодов).

ВИКТОР (довольно). Что ж, назовите хорошую цену — и дело сделано.

СОЛОМОН. Определенно. Вы же видите, что я вас не надуваю. (Показывает на комод). Этот шифоньер у меня не простоит и недели. (Показывает на другой). Они парные, вы же видите.

ВИКТОР. Да, вижу.

СОЛОМОН. И стул тоже ничего. (Садится на обеденный стул — проверяет его прочность). Люблю стулья.

ВИКТОР. Там ещё, в спальне, хотите пройдем?

СОЛОМОН. Да? (Идёт по направлению к спальне). Ну и что у вас там? (Заглядывает в спальню). Какая кровать! Это очень красивая резная кровать. Такая сразу пойдет. Это кровать ваших родителей?

ВИКТОР. Да, по-моему, они купили ее в Европе. Любили путешествовать.

СОЛОМОН. Очень красивая, очень хорошая, мне нравится. (Осматривая мебель, возвращается к креслу в центре комнаты). Милая, видно, была семейка.

ВИКТОР. Кстати, обеденные столы раздвигаются, и, по-моему, за них можно усадить двенадцать человек.

СОЛОМОН (глядя на стол). Я знаю. Да. В крайнем случае даже четырнадцать. (Поднимает рапиру). А это что? По-моему, когда я входил, вы собирались проткнуть этим вашу жену.

ВИКТОР (смеется). Да нет, просто я только что её обнаружил. Когда-то я занимался фехтованием.

СОЛОМОН. Вы учились в колледже?

ВИКТОР. Да, пару лет.

СОЛОМОН. Очень интересно.

ВИКТОР. Давно это было.

СОЛОМОН. Нет, вы знаете: ведь это для меня самое главное — что происходит. Ведь когда меня зовут? Или когда развод, или когда кто-то умер. И каждый раз другое дело. То есть, в общем, конечно, одно и то же, но всё-таки другое. (Садится в кресло).

ВИКТОР. И вы подбираете осколки?

СОЛОМОН. Это вы хорошо сказали, "подбираю осколки". По-моему, наша работа похожа — у вас ведь тоже каждый раз другое дело.

ВИКТОР. Что-то интересное бывает не так уж часто.

СОЛОМОН. Вы регулировщик или кто вы?

ВИКТОР. Я работаю в Рокэвэй, в основном, в аэропортах.

СОЛОМОН. Это где, в Сибири, нет?

ВИКТОР (смеется). Нет, но меня это устраивает.

СОЛОМОН. Так вы предпочитаете в чужие дела свой нос не...

ВИКТОР (смеётся). Именно. (Показывает на мебель). Так сколько?

СОЛОМОН. Сколько? (Вынимает две сигары и осматривается). Хотите сигару?

ВИКТОР. Спасибо, я давно бросил. Так всё-таки сколько?

СОЛОМОН. Я смотрю, вы деловой человек.

ВИКТОР. Точно.

СОЛОМОН. Тем лучше. Тогда где у вас бумага? На право владения?

ВИКТОР. У меня нет... но... (Пытаясь засмеяться). Я владелец и всё.

СОЛОМОН. Другими словами, ни сестер ни братьев...

ВИКТОР. Брат у меня есть.

СОЛОМОН. Ага. И вы с ним в хороших отношениях? Это не потому что я вмешиваюсь, а знаете, эти семейки, где все друг от друга без ума, а стоит кому-то из родителей умереть, так сразу начинается: мне то, а мне вот это, и начинается такое!

ВИКТОР. Это не тот случай.

СОЛОМОН. Если бы речь шла об одной вещи, ну о двух, было бы ничего, но всё вместе и без бумаги...

ВИКТОР. Хорошо. Я возьму у него бумагу, не волнуйтесь.

СОЛОМОН. Определённо возьмите. Потому что даже самые тузы, вы не поверите, — юристы, профессора, звёзды экрана — да они готовы отдать адвокату полтысячи, только чтобы отсудить какой-нибудь грошовый книжный шкафчик, и всё потому что все, видите ли, хотят не упустить своё. Так что...

ВИКТОР. Я же сказал: бумагу принесу. (Показывает вокруг). Так как же?

СОЛОМОН. Хорошо, сейчас и приступим. (Указывает на обеденный стол). Вот вы сказали, что этот обеденный стол, то что называется "испанский яacobизм". Стоил он тысячу двести, а может, тысячу триста, но было это году в двадцать первом или двадцать втором. Так?

ВИКТОР. Может, и так.

СОЛОМОН (откашливаясь). Видите, вы же умный человек, и потому прежде чем мы пойдем дальше, советую запомнить: со старой мебелью надо поменьше эмоций.

ВИКТОР (смеётся). Но я даже рта не раскрыл!

СОЛОМОН. Я хочу сказать, что вы полицейский, а я торгую мебелью, и мы оба знаем что почём, и сейчас мне легче продать свой туберкулез, чем ваш "испанский яacobизм".

ВИКТОР. Почему это? Стол ведь в отличном состоянии.

СОЛОМОН. Начальник, вы говорите то, что есть на самом деле, а о старой мебели так говорить нельзя. Не нравится стиль — и всё тут, да не только не нравится — терпеть не могут. То же самое и с тем буфетом, и с тем... (Показывает направо и налево).

ВИКТОР. Ну нет, хотите, значит, снять пенки? Или все — или ничего — и давайте кончать. Я же предупреждал вас, что у меня целая обстановка.

СОЛОМОН. К чему всё-таки эта спешка? Поговорим спокойно — все и прояснится. Рим же строился не в один день? (Несколько секунд он озабоченно что-то подсчитывает, вновь глядя на вещи, которые хотел бы взять. Затем встаёт и еще раз дотрагивается до арфы). Поняли, что я имел в виду? За эти пенки я бы дал вам такие деньги, что вы бы...

ВИКТОР. Исключено.

СОЛОМОН (быстро). Исключено.

ВИКТОР. У меня здесь не магазин, да и дом-то ломают.

СОЛОМОН. Тем лучше! Значит, мы поймём друг друга и... (С дружеской улыбкой). ...не надо так нервничать. (Идёт к пластинкам). Их тоже продаёте? (Берёт одну).

ВИКТОР. Может, оставляю три-четыре.

СОЛОМОН (прочтя название). Подумать только — Галлахер и Шин!

ВИКТОР (пытаясь изобразить улыбку). Вы что, хотите устроить прослушивание?

СОЛОМОН. Зачем прослушивание? Я был с ними — Галлахером и Шином — в одной программе, может быть, в пятидесяти театрах.

ВИКТОР (удивлённо). Вы были актером?

СОЛОМОН. Актёром? Акробатом! У нас в семье все были акробатами. (Расправляет плечи как при первом выходе). Вы никогда не слышали о "пяти Соломонах" — мир их праху? Я был самый нижний.

ВИКТОР. Забавно — никогда не думал, что евреи бывают акробатами.

СОЛОМОН. А как же Иаков, он что, не боец был? С архангелом сражался!

ВИКТОР смеётся.

Евреи были акробатами с начала мира. Я был тогда здоров как лошадь: алкоголь, женщины, что угодно, — только давай. Попробуй меня остановить. Но жизнь остановила. Да, мой мальчик. (Почти с любовью кладет пластинку на стол). Вот что такое Галлахер и Шин.

ВИКТОР (сам того не желая, более задумчиво, и с меньшим желанием говорить только о цене). Так что мы решили?

СОЛОМОН (осматривается, затем поворачивается к ВИКТОРУ и внимательно на него смотрит). Скажите, как сегодня с преступностью? Неужели растёт?

ВИКТОР. Да, день ото дня. Слушайте, мистер Соломон, хочу, чтоб вы знали: я не очень общителен.

СОЛОМОН. Не очень.

ВИКТОР. Да, не очень. Я плохой бизнесмен и не слишком хороший собеседник. А потому назначайте цену — и конец. Идёт?

СОЛОМОН. Вы не хотите, чтобы мы были приятели?

ВИКТОР. Именно.

СОЛОМОН. Так мы не будем приятели. (Вздыхает). Но для того чтобы вам меня лучше узнать, я вам что-то покажу. (Достаёт из кармана свидетельство в кожаном переплёте, открывает и протягивает ВИКТОРУ). Это когда меня демобилизовали из Королевского флота. Видите? «Служба её Величества».

ВИКТОР (разглядывая документ). Ого! И что вы делали в британском флоте?

СОЛОМОН. Да при чем тут британский флот! Год рождения — что там написано?

ВИКТОР. Восемнадцатый... (Изумленный, смотрит на СОЛОМОНА). Вам почти девяносто?

СОЛОМОН. Да, мой мальчик. Я уехал из России шестьдесят пять лет назад — мне было тогда двадцать четыре. Всю жизнь курил, пил и любил каждую, кто мне давала. Так какой же резон мне сейчас плутовать?

ВИКТОР. С каких это пор для этого нужен резон?

СОЛОМОН. Нет, таких как вы я ещё не встречал!

ВИКТОР. Встречали — и не таких. Так вы назовёте цену или...

СОЛОМОН (сейчас он действительно испуган, ибо ВИКТОР не идёт на приманку, и СОЛОМОН стремится сохранить оставшиеся мосты). Как я могу назвать вам цену — ведь вы же не верите не единому моему слову!

ВИКТОР (с натянутой улыбкой). Я вижу вас впервые, а вы хотите, чтоб я вам верил!

СОЛОМОН (с жестом, в котором чувствуется отвращение). Так как же с вами начинать переговоры? Вы, конечно, простите, но здесь полицейские не нужны. Если вы хотите делать дело, вы либо верите, либо вообще ничего не выйдет. Я...я... Ладно, забудем об этом. (Встаёт и тянется за портфелем).

ВИКТОР (удивленно). Вы что?

СОЛОМОН. Так я работать не могу. Я слишком стар, чтобы слушать, как меня называют вором — стоит мне только открыть рот.

ВИКТОР. Кто вас так называл?

СОЛОМОН (двигаясь к двери). Нет, это мне не нужно. В моем магазине так не делают. (Грозит ВИКТОРУ). И учтите: я даже не назвал вам цену, а вы уже так себя ведете. Слышите? Я даже не назвал вам цену!

ВИКТОР (разгневанно). Так что ж вы пришли — одолжение мне делать? О чем вообще речь?

СОЛОМОН. Мистер, мне вас жалко! О люди, что с вами происходит? Вы ещё хуже, чем моя дочь! Ничему ни свете не верите, ничего не уважаете — как вы живёте? Думаете, это по-умному? И так стараетесь, так усердствуете. Я дам вам один маленький совет: не верить ни во что — очень просто, а вот верить во что-то — много труднее. Это трудно. Но если этого не уметь, тогда вы, друг мой, пропащий человек! (Идет к двери).

ВИКТОР (сдерживаясь, хотя ему это трудно). Соломон, вернитесь, а?

СОЛОМОН. Нет-нет. У вас есть проблема, а вы даже не хотите меня выслушать!

ВИКТОР. Да я слушаю. Бога ради, чего вы хотите? На колени что ли мне встать?

СОЛОМОН (ставит портфель и вытаскивает из кармана мятый сантиметр). Ладно, пойдите сюда. Сейчас я понял, что вы человек дела, а некоторые дела весьма забавны. (Измеряет сантиметром глубину шкафа). И сколько здесь, по-вашему? (Потом поворачивается и показывает ВИКТОРУ).

ВИКТОР (подходит к нему). Сорок дюймов. И что?

СОЛОМОН. А то, мой мальчик, что ширина двери спальни в современных домах тридцать дюймов, ну от силы тридцать два. А значит, его нельзя запихнуть.

ВИКТОР. А в старом доме?

СОЛОМОН (его отчаяние все растет). Я только хотел сказать, что у меня возможностей становится все меньше и меньше.

ВИКТОР. Что я, спросить не могу?

СОЛОМОН. Это то, что касается архитектуры. Послушайте. (Вытирает лицо. Его внимание привлекает кабинетный стол, он подходит к нему). У вас там стоит, например, кабинетный стол. Надежная красивая вещь. Но пойдите найдите современную квартиру с кабинетом! Если хотя бы строили прежние отели, тогда я мог бы его продать, но ведь строят-то только новые! Люди уже не живут как жили. И эта штукавина совсем из другого мира. Я пытаюсь показать вам точку зрения современного человека. Потому что цена старой мебели это не что иное как точка зрения. И если вы это не поймете, то не поймете, почему она столько стоит.

ВИКТОР. А ваша точка зрения — купить это все за бесценок?

СОЛОМОН. Это вы так говорите — я этого не сказал. Стулья не бесценок, шифоньеры, кровать, арфа...

ВИКТОР (отворачиваясь). Ладно, проехали. Пенок вы не снимете...

СОЛОМОН. Почему надо делать такой вывод?

ВИКТОР (вновь к нему поворачиваясь). Господи, да назовете вы цену или нет?

СОЛОМОН (отходит, положив руку себе на лоб). Ох мальчик, ох мальчик, ох мальчик... Наверное, вы уже арестовали целый миллион.

ВИКТОР. За двадцать восемь лет девятнадцать человек.

СОЛОМОН. Тогда что вы на меня так набросились?

ВИКТОР. Да потому что разговор обо всем кроме денег, и я так и не понял, за каким дьяволом вы сюда пришли.

СОЛОМОН (поднимая палец). А сейчас мы будем говорить о деньгах. (Идет и садится в кресло).

ВИКТОР. Прекрасно. Но я не виноват, что вижу, как с каждым вашим словом цена сползает все ниже и ниже.

СОЛОМОН (сидя). Мой мальчик, с той минуты, как я сюда вошел, цена не сползала ни на грош.

ВИКТОР (со смехом). Тем лучше. Так сколько?

СОЛОМОН оглядывается по сторонам, его остроумие иссякло, и на лице появляется унылое выражение.

Что происходит? Что вас так взволновало?

СОЛОМОН. Извините, я не должен был приходить. Думал, будет несколько предметов, но... (Прикрывает пальцами глаза). Это для меня слишком много.

ВИКТОР. Так зачем же вы пришли? Я ведь предупреждал, что здесь целый дом.

СОЛОМОН (протестуя). Вы меня позвали — вот я и пришел. А что надо было — лечь и умереть? (Ещё раз пытается спасти положение). Послушайте, я очень хочу назвать вам цену, и дело лишь за тем... (Умолкает, будто боится сказать что-то лишнее).

ВИКТОР. Дьявольская история!

СОЛОМОН. Послушайте, ведь это для меня такой соблазн! Но... (Словно говорит только для того, чтобы ВИКТОР понял). Слушайте, сейчас я скажу вам всю правду: у вас, наверное, очень старая телефонная книга, ведь я уже несколько лет как распродал почти весь свой магазин. Кроме нескольких английских подставок для дров — я продам их, как настанет время. Я подумал: мне восемьдесят, а в восемьдесят пять время как раз и настанет. Ждал-таки ждал, но ничего не произошло — я даже поменял квартиру и живу теперь в магазине, только с плиткой. И опять ничего не происходит. Я на сто процентов в порядке, ну не на сто, но чувствую себя ой-ой-ой! И вот я подумал: может, у вас что-то есть интересное. Не то, чтобы совсем нельзя продать остальное, но ни это ведь может уйти целый год, даже полтора. А для меня это слишком много. (Борясь с собой, смотрит по сторонам). Моя беда в том, что я люблю свою работу. Люблю, но... (Сдаваясь). Не знаю, что вам сказать.

ВИКТОР. Ладно, оставим это.

СОЛОМОН (вставая). Куда вы так торопитесь?

ВИКТОР. Ой, вы или здесь или — туда!

СОЛОМОН. А вы знаете, куда мне? Вы же видите, эта мебель особенная, и когда рядовой покупатель ее увидит, он сразу же расстроится.

ВИКТОР. Соломон, опять вы за свое!

СОЛОМОН. Но я же с вами не торгуюсь.

ВИКТОР. Почему это он расстроится?

СОЛОМОН. Да потому что поймет, что такую уже не сломать.

ВИКТОР (уже овладев своим настроением). О, ну сколько же можно! Пощадите!

СОЛОМОН. Мальчик мой, вы не знаете людскую психологию! Не сломается — значит, больше уже ничего не изменится. Возьмем, например... (Подходит к столу). ...этот стол... Послушайте. (Ударяет по столу). Да его же не сдвинуть! Когда человек садится за такой стол, он не только знает, что женат, он знает, что будет женат всегда, и больше уже ничего не изменится.

ВИКТОР смеется.

Вы смеетесь, а я вам обрисовал ситуацию. Какое сегодня модное слово? Заменяемость. Чем больше вы можете выбросить — тем лучше. Машина, мебель, жена, дети — все должно быть заменяемо. Потому что, вы же видите, сегодня основное занятие — делать покупки. Тысячу лет назад человек был несчастен, потому что не зная, куда себя деть. И поэтому он шел в церковь, устраивал революции — он что-то делал. А сегодня, что вы делаете, если вы несчастны? Правильно, идёте за покупками.

ВИКТОР (смеется). Соломон, вы просто гений. Но я вас раскусил — и номер не пройдет.

СОЛОМОН (обиженно). Что значит "не пройдет"? Не знаю, сколько мне осталось, но будет большой беды, если я вам скажу: беда ваша в том, что вы так молоды, а этого не понимаете...

ВИКТОР. Прекрасно понимаю и вижу, куда вы клоните. И не так уж я молод.

СОЛОМОН (презрительно). Вам что, сорок? Ну сорок пять?

ВИКТОР. Почти пятьдесят.

СОЛОМОН. Пятьдесят! Да вы еще ребенок!

ВИКТОР. Да, тот еще ребенок.

СОЛОМОН. Боже, где мои пятьдесят? Да я женился в семьдесят пять.

ВИКТОР. Ну-ну.

СОЛОМОН. Что вы сомневаетесь, она всё ещё живет на Восьмой авеню. Потому-то я и утекаю, что не хочу, чтобы она своими лапами... Птичек, видите ли, любит, У нее в доме их, наверное, сотня. Даже в супе перья плавают. Что ж, я птичкам посвящать свою жизнь должен?

ВИКТОР. Мистер Соломон, я сочувствую вашим проблемам, но они ваши. (Встаёт). Больше времени у меня нет.

СОЛОМОН (отчаянным жестом его останавливает). Но я же покупаю! (Он сам ошеломлен и вновь осматривает все горы мебели). Я хочу сказать, я... (И все еще глядя на мебель). Значит, придется пожить еще. Я решил. Беру!

ВИКТОР (словно страхи СОЛОМОНА передались ему). Речь может идти лишь обо всем.

СОЛОМОН (сердито). Обо всем, обо всем! (Идёт за портфелем). Сейчас подсчитаю и дам вам такую цену, что вы сразу станете счастливы.

ВИКТОР (снова садится). Сомневаюсь.

СОЛОМОН вытаскивает из портфеля крутое яйцо.

Что еще, ужинать будете?

СОЛОМОН. Вы так долго со мной спорили, что я проголодался, а мне это очень вредно.

ВИКТОР. Вот еще!

СОЛОМОН (разбивая скорлупу бриллиантовым кольцом). А вы хотите, чтоб я с голоду умер? Я мигом.

ВИКТОР. Да, ну и дела!

СОЛОМОН. У вас соли не найдется?

ВИКТОР. Сейчас, разбежался.

СОЛОМОН. Пожалуйста, не расстраивайтесь. Я дам вам такую цену, что вы упадете, вот увидите. (Глокает яйцо. Потом смотрит на мебель и затем, как бы про себя, держа блокнот и карандаш наготове). Я это сделаю сейчас как счётная машина. (Начинает подсчитывать цифры в своем блокноте).

ВИКТОР. Ладно, не торопитесь, если это серьезно.

СОЛОМОН. Благодарю вас. (Дотрагивается до ненавистного буфета). У-ху-ху, так, хорошо... (Набрасывает цифры. Затем подходит к другой вещи и снова записывает).

ВИКТОР (после паузы). И вы действительно женились в семьдесят пять?

СОЛОМОН. И что в этом ужасного?

ВИКТОР. Нет, наверное, это прекрасно. Но всё-таки зачем?

СОЛОМОН. А зачем женятся в двадцать пять? Разве в двадцать шесть нельзя умереть?

ВИКТОР (тихо смеется). Наверное, можно.

СОЛОМОН. Это так же, как с подержанной мебелью — всё зависит от точки зрения. В мире все относительно. (Снова набрасывает цифры). Я женился в семьдесят пять, в пятьдесят один и в двадцать два.

ВИКТОР. Вы шутите.

СОЛОМОН. Если б я шутил! (Он работает, записывая цену на каждую вещь в блокнот, открывая ящики и всё проверяя. Заглядывает в тёмные места, включив при этом карманный фонарик).

ВИКТОР (наблюдая за работой СОЛОМОНА). Хватит шутить-то, сколько вам лет?

СОЛОМОН (выдвигая ящик). Девяносто пять. Это такое уж достижение?

ВИКТОР. А вы чертовски здоровы.

СОЛОМОН (поворачиваясь к ВИКТОРУ с одобрительной улыбкой). Давно уже ношу на себе эту ношу, но знаете, что самое смешное? Забываешь обо всех неприятностях. Вынул карандаш — и как будто в тебя что-то впрыснули. Откровенно говоря, моим телефоном уже можно пользоваться как половником, по нему никто не звонит. Я хочу вас поблагодарить. (Показывает на ВИКТОРА). Хочу сказать: сделано все как следует. Можно открыть?

ВИКТОР. Конечно, все, что хотите.

СОЛОМОН (подходя к шкафчику). У некоторых из них были зеркала. (Открывает шкафчик — оттуда вываливается свернутый коврик размером 3х5 дюймов). Что это?

ВИКТОР. Бог знает. Наверное, ковер.

СОЛОМОН (рассматривая коврик). Нет, это коврик для машины.

ВИКТОР. Ну правильно, да. Когда они ездили. Господи, я не видел его столько...

СОЛОМОН. У вас был шофер?

ВИКТОР. Да, был.

Их взгляды встречаются. СОЛОМОН смотрит на ВИКТОРА, словно пытается навести на него фокус. ВИКТОР отворачивается, а СОЛОМОН возвращается к шкафчику.

СОЛОМОН. Смотрите сюда! (Берет с полки складной цилиндр). Боже мой! (Надевает и смотрится в зеркало в шкафу). С ума сойти! (Поворачивается к ВИКТОРУ). Наверное, он был лихой парень!

ВИКТОР (улыбаясь). Вы так хорошо в нем смотрите!

СОЛОМОН. И со всем этим так прогореть?

ВИКТОР. Что ж тут удивительного? За пять-то недель. Или даже меньше.

СОЛОМОН. Ого! И не смог потом ничего вернуть?

ВИКТОР. Некоторые так не могут — собирать, потом продавать, потом...

СОЛОМОН (бормочет). Гм. И что же он?

ВИКТОР. А ничего. Сидел вот здесь и слушал радио.

СОЛОМОН. Нет, чем он занимался? Что...

ВИКТОР. Ну, вначале разменивал доллары для автоматов. А в конце разносил телеграммы.

СОЛОМОН (с горечью и удивлением). Да быть не может? И сколько у него было?

ВИКТОР. О, очевидно, пара миллионов.

СОЛОМОН. Боже мой! И что произошло?

ВИКТОР. Ну, примерно, в это время умерла мать, но и это ничего не изменило. Просто некоторые так не могут — вверх, вниз — вот и все.

СОЛОМОН. Слушайте, я вам расскажу про вверх вниз. Я обанкротился в тридцать втором, в двадцать третьем мне тоже досталось. И в девятьсот четвёртом и в девяносто восьмом. Но я не сидел так...

ВИКТОР. Ну, вы другой человек. А он в это верил.

СОЛОМОН. Во что он верил?

ВИКТОР. В систему, во все. И, по-моему, считал, что виноват сам. А вы — вы приходите, вешаете на уши лапшу — и все слушают. Вам сто пятьдесят лет, вы рассказываете ваши хохмы, все в вас влюбляются — и вы забираете что вам надо.

СОЛОМОН. Не слишком вы любезны.

ВИКТОР. Не надо упрёков, а? Так каков ваш ответ? И не надо больше смотреть, вы и так все знаете наизусть.

У СОЛОМОНА, кажется, набор приемов истощился. Он медленно смотрит по сторонам; кажется, что мебель, как угроза или надежда, нависла над ним со всех сторон. Его взгляд устремляется на потолок, руки сжаты.

Чего вы боитесь? Купите — и у вас снова появится занятие.

СОЛОМОН (смотрит на него, как бы желая еще больше проникнуться уверенностью). Так вы не считаете, что я делаю глупость?

ВИКТОР. Кто знает, что такое глупость... Ведь вам же нравится...

СОЛОМОН. Нравится? Да я в нее влюблен!

ВИКТОР. Так берите. Столько планов, а реализация...

СОЛОМОН (доверительно). Сейчас я вам что-то расскажу. В последние несколько месяцев — прямо не знаю, что происходит — она мне является. Я говорил, что у меня была дочь, мир ее праху, и она кончила самоубийством?

ВИКТОР. Когда это произошло?

СОЛОМОН. Произошло в... шестнадцатом, во второй половине. Очень красивая, кукольное личико, огромные глаза и чиста как утро. И теперь — прямо не знаю, что происходит, — я вижу ее так же ясно, как вижу вас. Практически каждую ночь. Только ложусь — она уже сидит рядом. И ведь поделать ничего нельзя, поэтому я только спрашиваю: что происходит? Что происходит? Может быть, тогда я что-то не то ей сказал... Может быть, действительно что-то не то. Все это... (Смотрит на мебель). Да я не собираюсь здесь умирать, вы не бойтесь. Но... хотите правду? Минуту назад, когда я говорил вам, что у меня было три жены... (Небольшая пауза. Его страх растёт). В эту минуту я вспомнил, что их было четыре. Что, это так ужасно? Первый раз я женился в девятнадцать, в Литве. Понимаете, что я хочу сказать: никто не знает, что важно, а что нет. Вот сижу я здесь с вами и... и... (Смотрит на мебель). А для чего? Не то чтобы я её не хочу, Я её хочу, но... Понимаете, всю жизнь я был прекрасный борец — пойдя что-нибудь у меня отбери. Я бил направо и налево, я дрался в шести разных странах, пару раз меня чуть не убили, и это было... Вот как сейчас, когда я сижу здесь и болтаю, и говорю, что это был сон, сон! Вы себе не можете этого представить, потому что...

ВИКТОР. Я понял, о чем вы. Но это не сон, просто, прежде чем что-то решить, надо твердо знать, чего хочешь. Но даже и тогда как надо не получается. Например: мне давались науки, я любил их. Но бросил, бросил, чтобы кормить старика. Думал, что в полицию иду лишь на время, чтобы перехитрить депрессию, а потом буду опять учиться. Но наступила война, появился ребенок, пришлось вертеться, напрягаться, до пенсии было еще ой-ой-ой. И то, что начал, осталось далеко-далеко. Не то, чтобы я жалею обо всем; с одной стороны, мы вырастили прекрасного парня, такой не пропадет. Но, как вы сказали, никто не знает, что важно, а что нет. Мы договорились не участвовать в этой мышинной возне и жить своим умом. Вот это-то и важно. Но

выбросишь говно в окно, а оно опять под твоей дверью. И всё потому, что этого хочет она. Хочет она. И я её даже не виню — ведь уважают-то здесь только деньги.

СОЛОМОН. А что вы имеете против денег?

ВИКТОР. Ничего, но жизнь борьбе за них отдавать не намерен. Но, отдал, наверное, чему-то ещё, даже не знаю — настоящему или нет. Оглядываюсь сейчас назад и вижу, как бесконечно и бессмысленно гуляю я по улице. По-моему, это старая песня: делай что угодно, только побеждай. Совсем как мой брат: много лет назад я жил здесь с моим стариком, а он высылал нам по пять долларов в месяц. В МЕСЯЦ! Преуспевающий хирург. Но когда он приходил сюда — несколько раз — у отца было такое выражение, будто пришёл сам Господь. Благоговение, вы понимаете, я о чём? Благоговение! А почему бы и нет? Почему нет?

СОЛОМОН. Ну, конечно, ведь у него была какая-то власть.

ВИКТОР. Вот именно: если есть это — есть всё. За это даже любят! (Смеется). Ну, так что вы решили? Ваша цена.

СОЛОМОН (после небольшой паузы). Я даю вам тысячу сто.

ВИКТОР (после небольшой паузы). За всё?

СОЛОМОН (задерживая дыхание). За всё.

Небольшая пауза. ВИКТОР смотрит на мебель.

Я её так хочу, что даю вам хорошую цену. Верьте мне: больше вам не даст никто. А я её хочу. И я всё решил.

ВИКТОР продолжает разглядывать вещи. СОЛОМОН достает конверт и пачку денег.

Вот... Сейчас буду платить. (Готовит счёт).

ВИКТОР. Но, понимаете, я должен буду разделить эту сумму пополам.

СОЛОМОН. Хорошо... тогда я выпишу только вам и напишу цифру шестьсот.

ВИКТОР. Нет, так я не хочу.

Небольшая пауза.

Я вам завтра позвоню.

СОЛОМОН (улыбаясь). Хорошо. Если я, с Божьей помощью, еще буду там завтра, я подойду. А если же нет...

Небольшая пауза.

Ну, на нет — и суда нет.

ВИКТОР (обеспокоенный, но хотел бы поверить). Только не надо снова здорово, договорились?

СОЛОМОН. слушайте, вы меня убедили — и я её взял. Так чего же еще?

ВИКТОР. Я вас убедил?

СОЛОМОН (горестно). Убедили бесповоротно. Да вы же помните: когда я все это увидел, я тут же хотел уйти!

ВИКТОР (обрывает его, сердясь на свою нерешительность). Ладно, черт с ним. (Протягивает руку). Давайте их сюда.

СОЛОМОН (видя его добрые намерения). Но только не расстраивайтесь.

ВИКТОР. О, как все осточертело! (Еще раз выбрасывает руку). Давайте.

СОЛОМОН (со счётом, поднятом над рукой ВИКТОРА, протестуя). Что осточертело? Вы счастливы должны быть. Теперь вы купите ей красивое пальто, повезете ее во Флориду, может быть...

ВИКТОР (иронически кивая). Точно, точно! И все будут счастливы. Давайте сюда.

СОЛОМОН качает головой и начинает складывать банкноты в его ладонь. ВИКТОР отворачивается и смотрит на сваленную штабелями мебель.

СОЛОМОН. Сто, двести, триста, четыреста... Послушайте моего совета: купите ей красивое меховое пальто, и все ваши беды сразу кончатся...

ВИКТОР. Да знаю. Дальше.

СОЛОМОН. Я дал вам уже четыре, теперь я даю вам... пять, шесть, семь... Я хочу сказать, что про мышиную возню есть в Библии. В ту самую минуту, когда она положила себе яблоко на ладонь, тогда она как раз и началась.

ВИКТОР. Я Библию не читал. Дальше.

СОЛОМОН. А если почитаете, то уведите, что она была всегда, без неё не обойтись. Я дал вам семь, теперь я даю вам...

В дверях появляется мужчина с умным лицом и проницательным взглядом. Ему за пятьдесят, он гладко выбрит и хорошо сложен, без шляпы, в пальто из верблюжьей шерсти. ВИКТОР смотрит мимо СОЛОМОНА, от неожиданности слегка вздрагивает и отдергивает руку, в которую СОЛОМОН собирается вложить очередную купюру.

ВИКТОР (внезапно краснеет и говорит неожиданно высоким мальчишеским голосом). Уолтер!

УОЛТЕР (входит в комнату, с протянутыми руками подходит к ВИКТОРУ — в его глазах затаенная теплота, которая прикрыта стандартной улыбкой). Как дела, малыш?

СОЛОМОН словно пропадает из поля их зрения.

ВИКТОР (перекладывает деньги в левую руку и здоровается). Господи, вот уж не ожидал тебя увидеть!

УОЛТЕР (о деньгах — с легкой усмешкой). Извини, что я опоздал. А что здесь происходит?

ВИКТОР (его мучают угрызения совести, и эта внутренняя борьба придает ему неестественно комический вид). Я... Я только что все это продал.

УОЛТЕР. Ну и отлично! И за сколько?

ВИКТОР (сейчас ему приходит на ум, что его надули). Да... за тысячу сто.

УОЛТЕР (голосом, в котором сквозит равнодушие). Что ж, отлично.

Слегка поворачивается к СОЛОМОНУ, причем делает это точно рассчитанным движением.

За всё?

СОЛОМОН (подходит к УОЛТЕРУ с протянутой для рукопожатия рукой, нарочито бравируя). Очень рад познакомиться с вами, доктор. Меня зовут Грегори Соломон.

УОЛТЕР (с довольным выражением, которое, впрочем, может превратиться в обвиняющее). Здравствуйте!

Он пожимает СОЛОМОНУ руку. ВИКТОР в это время поднимает свою, чтобы пригладить волосы, и на его лице появляется выражение испуга за самого себя.

Занавес.

Действие второе.

Действие продолжается. Занавес поднимается. УОЛТЕР отпускает руку СОЛОМОНА и поворачивается к ВИКТОРУ. Его поза сдержанная, в ней видно стремление к традиционному контролю, который одолевает почти безумное любопытство. Улыбка тоже сдержанная и даже жалковатая.

УОЛТЕР. Как Эстер?

ВИКТОР. Прекрасно. Вот-вот должна быть.

УОЛТЕР. Здесь? Отлично! А что делает Ричард?

ВИКТОР. Он в Массачусетском технологическом.

УОЛТЕР. Да быть не может! В Массачусетском?

ВИКТОР (кивая). Ему дали полную стипендию.

УОЛТЕР (рассеивая удивление). Вот это да. (С более широкой улыбкой и прорывающейся теплотой). Ты можешь им гордиться.

ВИКТОР. Надеюсь. И на экзаменах разрешили факультатив.

УОЛТЕР. В самом деле? Великолепно. Ничего, что я пришёл, а?

ВИКТОР. Ничего. Я звонил тебе пару раз.

УОЛТЕР. Да, сестра мне передавала. А чем Ричард интересуется?

ВИКТОР. Научой. Во всяком случае пока. (Осторожно). А как твои?

УОЛТЕР (тронут, напряженность проходит). Лучшей, наверное, оказалась Джин, но, по-моему, ты ее даже не видел.

ВИКТОР. Ни разу.

УОЛТЕР. Прошлой осенью "Таймс" посвятила ей целый разворот. Она прекрасный дизайнер.

ВИКТОР. Правда? Чудесно. А как мальчики? В школе?

УОЛТЕР. Бывают и там. (Забыв свои сомнения, неожиданно смеется). Вик, я их редко вижу. Из всех необъяснимых явлений природы их волнует лишь явление гитары. Но чёрт с ними... Я уже давно махнул на них рукой. (Разглядывая мебель, проходит мимо СОЛОМОНА). Я уж и забыл — у нас столько здесь, было всего! А вот и твой приёмник.

ВИКТОР (с улыбкой). Да, я его уже видел.

УОЛТЕР (смотрит на приёмник, затем вверх на потолок, на то место, где когда-то взорвалась батарея. Оба смеются. Его улыбка становится еще более открытой). Столько лет!

ВИКТОР (сдерживая ответные эмоции). Да. Как Дороти?

УОЛТЕР (что-то скрывая). Наверное, в порядке. (Идет, разглядывая вещи, но вдруг неожиданно оборачивается). Так хочу снова повидать Эстер. Она все еще пишет стихи?

ВИКТОР. Нет, давно уже нет.

СОЛОМОН. У него милая женушка. Я ее видел.

УОЛТЕР (словно удивляясь такой назойливости). Правда? (Поворачивается к мебели спиной). Отлично. Все та же старая рухлядь, а?

ВИКТОР (преодолевая желание бурно протестовать). Я бы не сказал. Кое-что вполне ещё ничего.

СОЛОМОН. Доктор, две-три вещи просто прекрасны. Мы заключили весьма выгодную сделку.

ВИКТОР (с предполагаемым упреком). Вот уж не думал, что ты всё-таки появишься. Наверное, теперь надо все по новой?

УОЛТЕР. Нет-нет, я вовсе не хочу лезть в твои дела.

СОЛОМОН. Извините меня, доктор, но лучше вам сейчас взять, что нравится, чем потом что-то опять выяснять. Так что вы хотите?

УОЛТЕР (удивленно поворачиваясь к ВИКТОРУ). Да в общем-то ничего. Зашел повидаться — только и всего.

ВИКТОР. Понимаю. (Предваряя готовящийся жест УОЛТЕРА, быстрым движением показывает на весло). Я нашел твое весло, знаешь?

УОЛТЕР. Весло?

ВИКТОР достает из-под низу весло с согнутой лопастью.

Ха! (УОЛТЕР берёт весло, рассматривает его и, смеясь, поднимает). У меня, наверное, было умопомрачение.

СОЛОМОН. Извините меня, доктор, если вы хотите весло...

УОЛТЕР (ставя весло перед СОЛОМОНОМ, которому остается за него схватиться). Не волнуйтесь, его я не возьму.

СОЛОМОН. Нет? Я только хочу сказать, что против личных вещей я ничего не имею.

УОЛТЕР (с легкой усмешкой). Как вы великодушны!

ВИКТОР (идя за СОЛОМОНОМ). Я все сюда побросал — не знал же, что ты явишься.

УОЛТЕР (натужно и чрезмерно любезно). Конечно, ты прав. Так что ты оставляешь?

ВИКТОР. Почти ничего. Может, Эстер захочет лампу или что-нибудь еще.

СОЛОМОН. Вы же видите, ему неинтересно. Современный человек, что тут попишешь!

УОЛТЕР. И арфу не оставляешь?

ВИКТОР (чуть виновато). Ну, никто ведь не играет... Возьми ты, если хочешь.

СОЛОМОН. Извините меня, доктор, арфа это совсем другое дело.

УОЛТЕР (игриво смеется, но тут же исправляется). Вы не против, если я задам вам один вопрос?

СОЛОМОН. Пожалуйста, доктор, но только не обижайтесь, я ведь...

УОЛТЕР. Почему вы встречаете? Да не волнуйтесь, мы просто разговариваем. Давно друг друга не видели...

СОЛОМОН. Вот и чудесно. Я прошу прощения. (Садится, его щека нервно подергивается).

УОЛТЕР (дотрагиваясь до арфы). Жаль, ведь это свадебный подарок деда, знаешь?

ВИКТОР (с удивлением глядя на арфу). Да, правда.

УОЛТЕР (СОЛОМОНУ). И сколько вы за нее ему дали?

СОЛОМОН. Отдельно я не считал — цена идет оптом. Может быть, триста. Вы же видите, с треснутым резонатором.

ВИКТОР (УОЛТЕРУ). Ты хочешь?

СОЛОМОН. Пожалуйста, Виктор, надеюсь, что вы её не возьмете. (УОЛТЕРУ). Послушайте, доктор, я не пытаюсь вас надуть. Эта арфа — душа всей обстановки. Я понимаю, что она принадлежала вашей матери, но я уже говорил... (ВИКТОРУ). ...вам... (УОЛТЕРУ). ...когда имеешь дело с подержанной мебелью — эмоций не надо.

УОЛТЕР. По-моему, это не принципиально. (ВИКТОРУ). По правде говоря, меня интересуют лишь мамины вечерние платья — они здесь есть?

ВИКТОР. Я не перерывал...

СОЛОМОН (поднимая палец, с нетерпением). Погодите, погодите, я думаю, что смогу вам помочь. (Идет к шкафчику, в который он уже заглядывал, и его открывает).

УОЛТЕР (тоже идет к шкафчику). У нее было несколько эффектных...

СОЛОМОН (тянет за подол платья, расшитое золотом). Вы его имели в виду?

УОЛТЕР. Да, именно.

СОЛОМОН стряхивает с платья пыль и передает его УОЛТЕРУ.

Красивое, правда? (ВИКТОРУ). Слушай, по-моему, она была в нем на моей свадьбе? (Достает его из шкафа и держит). Конечно! Ну, помнишь?

ВИКТОР. И что ты хочешь с ним делать?

УОЛТЕР (снимая с вешалки еще одно). А это посмотри какое? По-моему, Дженни из этого материала вполне может сшить себе что-то современное. Пусть на ней будет что-нибудь мамино.

ВИКТОР (новая идея неожиданно приходит ему в голову). О, прекрасная идея!

СОЛОМОН. Берите, берите, они такие красивые.

УОЛТЕР (кладет платье на спинку стула и быстро осматривается). А что случилось с пианино?

ВИКТОР. О, мы продали его, когда я еще учился. И долго потом на это жили.

УОЛТЕР (с глубоким интересом). Я не знал.

ВИКТОР. Понятно. И на столовое серебро тоже.

УОЛТЕР. Ну, конечно! Какой же я дурак, что этого не помню! (Присаживается и облакачивается на спинку дивана. Продолжает с жадным интересом и удвоенной энергией). Наверное, тебе говорили: ты стал ужасно похож на отца

ВИКТОР. Правда?

УОЛТЕР. Просто поразительно. Даже голос похож.

ВИКТОР. Знаю. Тембр похож, иногда.

СОЛОМОН. Итак, джентльмены... (Отдает ВИКТОРУ деньги).

ВИКТОР (показывая на СОЛОМОНА). Может, лучше сейчас все и решим.

УОЛТЕР. Да, давай. (Встает, разглядывая мебель).

СОЛОМОН (показывая на деньги, которые держит ВИКТОР). Вы уже получили семь...

УОЛТЕР (не замечая СОЛОМОНА, не в состоянии установить, так сказать, статус кво). Отлично, что ты в такой прекрасной форме!

ВИКТОР (новый перерыв в деле его, кажется, удивил; уделяя больше внимания осмотру брата, чем его словам). Да и ты тоже выглядишь прекрасно.

УОЛТЕР. Почти каждое воскресенье катаюсь на лыжах или на лошади... Знаешь, в этом году раз сто собирался тебе позвонить... (Умолкает. Показывая на СОЛОМОНА). Давай с ним закончим и потом поговорим.

СОЛОМОН. Итак, я даю вам...

Деньги все еще в руке у ВИКТОРА.

ВИКТОР (УОЛТЕРУ). Цена тебя устраивает?

УОЛТЕР. О, я не хочу вмешиваться. Последний раз имел с ними дело, когда разводился с Дороти и понял...

ВИКТОР (выражение его лица меняется). Так ты что, развелся?

УОЛТЕР (с нервным смехом). Да!

Входит ЭСТЕР с костюмом в целлофановой упаковке.

ЭСТЕР (удивленно). Уолтер! Не может быть!

УОЛТЕР (быстро вскакивает, подходит к ней и трясет ее руку). Как дела, Эстер?

ЭСТЕР (она в смятении чувств: здесь и негодование, и приятное удивление). И что ты здесь делаешь?

УОЛТЕР. А ты почти не изменилась!

ЭСТЕР (с виноватой улыбкой, борясь с собой). О, давай-давай. (Вешает костюм на ручку шкафа).

УОЛТЕР (ВИКТОРУ). Ты, сукин сын, ей больше двадцати пяти и не дашь!

ВИКТОР (следя за ее реакцией). Я это знаю.

ЭСТЕР (польщенная и в те же время обиженная). О Уолтер, прекрати! (Садится).

УОЛТЕР. Но, честное слово, ты отлично выглядишь.

СОЛОМОН. В таком-то костюме... А что я вам говорил — костюм ой-ой-ой!

ВИКТОР, видя, что комплимент СОЛОМОНЫ смутил ЭСТЕР, смеется.

ЭСТЕР (ВИКТОРУ, изображая оскорбление). Что ты смеешься? Это правда. (Вот-вот засмеется сама).

ВИКТОР. Потому-то у тебя такой растерянный вид.

ЭСТЕР. Просто я не привыкла к подобным комплиментам. (Смеется).

УОЛТЕР (вдруг что-то вспоминая, энергично). Послушай, извини, не думал, что тебя увижу, иначе бы утром захватил с собой чудесный индийский браслет — мне их прислали из Бомбея целую коробку.

ЭСТЕР (все еще не зная, как к УОЛТЕРУ относиться, оценивая). Какое ты имеешь отношение к...

УОЛТЕР. Я оперировал их текстильного магната — а теперь он шлет мне всякие вещи. Это пальто, например.

ЭСТЕР. Я обратила внимание. Великолепный материал.

УОЛТЕР. Правда? И всего-то за два желчных камня.

ЭСТЕР (ее состояние пока не изменилось). Как Дороти? Я не ослышалась, ты сказал, что вы...

УОЛТЕР (очень серьезно). Развелись? Да. Прошлой зимой.

ЭСТЕР. Грустно это слышать.

УОЛТЕР. Всё давно к этому шло. Нам обоим так лучше — мы даже подружились. (Смеется).

ЭСТЕР. Перестань же, ты, животное.

УОЛТЕР (с наивной взволнованностью). Это правда?

ЭСТЕР. Но-но, я всегда на стороне женщин, так что не очень. (ВИКТОРУ — видя деньги в его руке). Так все в порядке?

ВИКТОР. Вроде того.

УОЛТЕР. Я как раз говорил Виктору... (ВИКТОРУ). ...когда мы делили вещи, что я... (СОЛОМОНУ). Вы когда-нибудь слышали о Спитце и Фоксе?

СОЛОМОН. Я знаю их тридцать лет. Берт Фокс работал у меня десять, нет, двенадцать лет.

УОЛТЕР. Они были у меня оценщиками.

СОЛОМОН. Они хорошие ребята. Спитцер похуже, но, между нами, вы были в хороших руках.

УОЛТЕР. Да, поэтому я и...

СОЛОМОН. Спитцер был вице-президентом Ассоциации оценщиков.

УОЛТЕР. Понятно. Но я заговорил...

СОЛОМОН. А президентом был я.

УОЛТЕР. Да неужели?

СОЛОМОН. О да. И основана она была на высоких моральных принципах.

УОЛТЕР (как и ВИКТОР, делая над собой усилие чтобы не засмеяться). В самом деле?

Внезапно ВИКТОР громко смеется — за ним УОЛТЕР и ЭСТЕР. Напряженность в их отношениях пропадает.

СОЛОМОН (улыбается, но стоит на своем). Что тут смешного? Слушайте, попали бы вы в эти джунгли, в это змеиное гнездо — оно было там до меня — вам было бы не до смеха. Это я установил все нынешние расценки, понимаете, я сделал это дело профессией: оценщики как доктора или адвокаты. И сегодня вам не о чем беспокоиться: все ее члены морально чисты на все сто.

УОЛТЕР. Что ж, вы действительно сделали доброе дело, мистер Соломон, но, мне кажется, в отношении этой мебели вы могли быть и пощеднее.

ЭСТЕР (ВИКТОРУ, деньги все еще у него в руке). Сколько он дал?

ВИКТОР (смутился, но набрался храбрости). Тысячу сто.

ЭСТЕР (она потрясена и пытается энергично протестовать). О-о, по-моему... не слишком ли это дешево? (Смотрит на УОЛТЕРА, ища поддержки).

УОЛТЕР (фамильярно). Ну же, Соломон? Ведь он ради вас каждый день рискует жизнью. Будьте щедрее!

СОЛОМОН (ЭСТЕР). Вот это брат! Настоящий! (УОЛТЕРУ). Но вы можете звать кого хотите: Спитцера и Фокса, Джо Брэиди, Пола Ковалло, Морриса Уайта — я знаю их всех — и знаю, что скажут они.

ВИКТОР (пытаясь сохранить уверенность, ЭСТЕР). Он говорит о том, что...

СОЛОМОН (ЭСТЕР, поднимая палец). Слушайте его, потому что...

ВИКТОР (СОЛОМОНУ). Подождите секунду, а? (ЭСТЕР и УОЛТЕРУ). Не знаю, правда это или нет, но он говорит, что для новых домов она слишком велика.

ЭСТЕР (готова рассмеяться). А ты и поверил!

УОЛТЕР. Я, конечно, не знаю, но, Эстер, Спитцер и Фокс говорили мне то же самое.

ЭСТЕР. Но Уолтер, в городе полно старых домов — и больших.

СОЛОМОН. Дорогуша, пусть решают мальчики.

ЭСТЕР (делает усилие, чтобы не взорваться). Я бы хотела, чтобы вы тут не командовали, мистер Соломон! (УОЛТЕРУ, протестуя). Да только два этих комода стоят несколько сотен!

УОЛТЕР (деликатно). Может, мне и не следует вмешиваться...

ЭСТЕР. Почему это нет? (О СОЛОМОНЕ). Не давайте ему действовать нахрапом.

СОЛОМОН. Маленькая, у вас нет никаких оснований...

ЭСТЕР (резко). Мне не нравится, как вы работаете, мистер Соломон! Не нравится — и все тут! (Она вот-вот расплачется. Пауза. Затем снова, повернувшись к УОЛТЕРУ). Ведь эти деньги нам так нужны, Уолтер.

УОЛТЕР (исправляясь). Да... я... Прости меня, Эстер. (Оглядывается). Ну... если бы мебель была моя...

ЭСТЕР. Как так? Она такая же твоя, как и Виктора...

УОЛТЕР. О нет, дорогая, — я ничего здесь не возьму.

Пауза.

ВИКТОР. Нет, Уолтер, половина твоя.

УОЛТЕР. Об этом, малыш, даже и не думай. Я просто зашел вас провести — вот и все.

Пауза.

ЭСТЕР (она очень тронута). Это благородно, Уолтер, это... честное слово, я...

ВИКТОР. Ну, об этом мы еще поговорим.

УОЛТЕР. Нет-нет, Вик, ты ее заработал. Она твоя.

ВИКТОР (не соглашается, ибо догадался о смысле сказанного). Почему это я ее заработал? Свою долю ты заберёшь.

УОЛТЕР. А нельзя об этом потом? (СОЛОМОНУ). По-моему...

СОЛОМОН (ВИКТОРУ). Значит, сейчас ее даже не нужно делить. (ВИКТОРУ и УОЛТЕРУ). Вам повезло: дом сносят, и в конце концов вы поселитесь вместе.

УОЛТЕР. Я хотел сказать, она стоит минимум тысячи три.

ЭСТЕР. И я так подумала. (СОЛОМОНУ). И хотела сказать — три пятьсот.

УОЛТЕР (ВИКТОРУ, тактично). Здесь именно такая цена.

Молчание. СОЛОМОН сидит, сдерживая желание ответить, не смотрит на ВИКТОРА и моргает глазами в знак протеста. ВИКТОР на секунду задумывается, затем поворачивается к СОЛОМОНУ — он явно обескуражен.

ВИКТОР. Ну? Что скажете?

СОЛОМОН (беспомощно заламывая руки, оскорблённый). Что я могу сказать? Это просто смешно. Почему он говорит — три, а не пять и не десять?

УОЛТЕР (ВИКТОРУ, не критикуя его). Следовало бы, наверное, вызвать пару других оценщиков, понимаешь, всегда ведь бывает...

ВИКТОР. Уолтер, я звонил тебе по этому поводу всю неделю, а ты даже ни разу не подошел к телефону.

УОЛТЕР (краснея). И ты думаешь, тебя бы это остановило...

ВИКТОР. Я не считал, что имею право делать это один. Сестра ведь передавала тебе, что я звонил, а?

УОЛТЕР. Дел было по горло, да и не надо мне ничего — вот я и предположил

ВИКТОР. Но откуда я мог это знать?

УОЛТЕР (бросая упрек себе). Так. Правильно. Я... я прошу прощения. (Он считает, что на этом инцидент исчерпан).

СОЛОМОН. Извините, меня, доктор, но я вас не понимаю: сначала для вас это была рухлядь...

ЭСТЕР. Никакая это не рухлядь!

СОЛОМОН. Он сказал, что это рухлядь, как только вошел.

ЭСТЕР поворачивается к УОЛТЕРУ, озадаченная и сердитая.

УОЛТЕР (перехватив ее взгляд, СОЛОМОНУ). Извините, но...

СОЛОМОН. Нет, это вы уж извините. (Показывая на ВИКТОРА). Он любит реальность — так и давайте будем реалистами.

ЭСТЕР. Однако, Уолтер, какие неподходящие слова ты выбираешь!

УОЛТЕР (с чувством, ЭСТЕР). Я вовсе не это имел в виду.

СОЛОМОН. Пожалуйста, доктор, вы сказали "рухлядь".

УОЛТЕР (резко — чувствуя, что за этим стоит еще большее раздражение). Я не это имел в виду, мистер Соломон. (Берет себя в руки — и уже обоим). Когда растешь среди гор мебели, то от нее начинает тошнить. (ЭСТЕР). Я имел в виду это.

СОЛОМОН. Дорогой мой, если бы это был "Людовик Шестнадцатый", "Бидермайер" или что-нибудь в этом роде, вас бы не тошнило.

УОЛТЕР (показывает на какую-то вещь, но не слишком решительно, понимая, что преувеличивает). Ну, вон та вещица, по-моему, сделана под "бидермайер".

СОЛОМОН. "Под "бидермайер"! (Снимает шляпу). Эта шляпа под "борсолино", но это не "борсолино". (ВИКТОРУ). Хочу вам сказать, если он хочет набить себе цену, ему вовсе не обязательно на меня давить.

УОЛТЕР (пытаясь показать, что его это позабавило). Ну и заявочки!

ВИКТОР (вовсе не желая "топить" СОЛОМОНА). На чем основана твоя цена, Уолтер?

УОЛТЕР (краснея, но улыбаясь). Не знаю... интуиция и все тут.

ЭСТЕР (ее это тоже вроде бы забавляет). А на чем основаны твои тысяча сто, дорогой?

ВИКТОР (сердито; его лидерстве в семье поставлено под угрозу). Я просто чувствую, что цена более или менее верная.

ЭСТЕР (она уже это слышала). О Господи, опять двадцать пять! Так возьми и вообще все выкини!

СОЛОМОН (указывая на ВИКТОРА). Пожалуйста, Эстер, мы ничего не выбрасываем. И этот человек вовсе не осел! (УОЛТЕРУ). Извините меня, но вы оказываете ему медвежью услугу!

УОЛТЕР (сдерживая себя и сохраняя улыбку). Вы, кажется, собираетесь меня учить?

ЭСТЕР (ВИКТОРУ, присоединяясь к реакции УОЛТЕРА). И в самом деле!

ВИКТОР (делая вид, что согласен, но в действительности хочет убедиться сам; дотрагивается до плеча СОЛОМОНА). Мистер Соломон! Побудьте-ка пару минут в спальне и дайте нам поговорить.

СОЛОМОН. Конечно, как вы скажете. (Встает). Только имейте в виду: вы заключили весьма выгодную сделку и вам нечего стыдиться. (ЭСТЕР). Извините меня, я не хотел никого обидеть.

ЭСТЕР (зло смеется). Он бесподобен!

ВИКТОР (снова пытаюсь его выпроводить). Что ж вы не идете?

СОЛОМОН. Иду. Я только хочу, Виктор, чтобы вы знали, что если бы на вашем месте был кто-то другой... (Поворачиваясь к ЭСТЕР). ...я бы сказал так: деньги получены — значит и делу конец.

УОЛТЕР. Делу не может быть конец, потому что есть я, Соломон. Мне принадлежит половина.

СОЛОМОН (ВИКТОРУ). Видите? А что я спросил, когда сюда вошёл? Я спросил: "Кто владелец?"

УОЛТЕР. Тогда зачем передергивать? Я ни на что не претендую, я только...

СОЛОМОН. Так зачем же вмешиваться? С его стороны — деньги, с моей — закон.

УОЛТЕР (приходя в ярость). Перестаньте валять дурака! Перестаньте! У меня в Нью-Йорке лучшие адвокаты, так что пойдите в спальню и посидите там.

ВИКТОР (поворачивается, собираясь сопровождать СОЛОМОНА). Спокойно, Уолтер, все, закончили.

ЭСТЕР (стараясь говорить довольным нежным голосом). Отчего же? Он совершенно прав.

ВИКТОР (сердито на нее смотрит и идет с СОЛОМОНОМ в глубину сцены). Вот, держите ваши деньги.

СОЛОМОН. Нет уж, они ваши, это вы их держите.

Он пошатывается, ВИКТОР хватает его за руку, УОЛТЕР встает.

УОЛТЕР. Вам плохо?

СОЛОМОН (у него кружится голова, он сжимает ее обеими руками). Да ничего я...

УОЛТЕР (подходит к нему). Дайте-ка я вас посмотрю. (Щупает СОЛОМОНУ пульс и смотрит в глаза).

СОЛОМОН. Я просто немножко устал, ведь сегодня днем я даже не вздремнул.

УОЛТЕР. Тогда пойдемте, немножко полежите. (Ведет СОЛОМОНА в спальню).

СОЛОМОН. Да вы не беспокойтесь, я... (Останавливается и, облачиваясь на буфет, показывает на свой портфель). Доктор, пожалуйста, если вам не трудно — у меня там шоколад.

УОЛТЕР не спешит выполнить его просьбу.

Он мне помогает.

УОЛТЕР неохотно идёт и лезет в портфель.

Вообще я человек очень здоровый, но без сна, вы понимаете, я должен...

УОЛТЕР вытаскивает апельсин.

Нет, апельсин не нужно, шоколад на дне.

УОЛТЕР достает плитку шоколада.

Вот умница! Мне уже лучше, не беспокойтесь. Вы очень милые люди.

СОЛОМОН и УОЛТЕР входят в спальню. ВИКТОР смотрит на деньги — они всё еще у него в руке — потом бросает их на стол и кладет на них рапиру.

ЭСТЕР. Чего ты извиняешься?

ВИКТОР. Перед кем?

ЭСТЕР. Да перед стариком. Он сразу предложил эту сумму?

ВИКТОР. Почему ты поверила Уолтеру? Он же явно назвал её от фонаря.

ЭСТЕР. Да, но я с ней согласна. Ты хоть пытался поторговаться?

ВИКТОР. Я этого не умею и учиться не собираюсь.

ЭСТЕР. Я хочу, чтобы ты не витал в облаках, Виктор, нам уже не двадцать лет. Нам нужны эти деньги.

Он не отвечает.

Ты слышишь?

ВИКТОР. Я сделал дело и все тут. Знаешь, ты иногда говоришь таким тоном, будто я и в самом деле ничего не соображаю.

ЭСТЕР (встает и с волнением подходит к нему). Ну, так или иначе, а что-то ты получишь. Боже, а он здорово изменился. Удивительно!

ВИКТОР (не слишком соглашаясь). Ну, может быть.

ЭСТЕР (хочет, чтобы он согласился). Просто ангел! И даже смеется!

ВИКТОР. Что ж он раньше не смеялся, так по-твоему?

ЭСТЕР (с тревожной улыбкой). Но я что-то слышала или мне показалось?

ВИКТОР. Надо еще подумать.

ЭСТЕР (спокойно). Так ты отдашь ему его долю?

ВИКТОР. Я же сказал — надо подумать.

Представив, что он отдаст УОЛТЕРУ его долю, она сейчас не знает, что делать и куда себя деть, поэтому быстрыми шагами идет к своей сумке.

ВИКТОР (вставая). Ты куда?

ЭСТЕР (поворачиваясь к нему спиной). Я хочу знать: ты отдашь или нет?

ВИКТОР. Эстер, я всю неделю ему звонил; он даже не позаботился подойти к телефону, пришел сюда, улыбается и полагает, что я должен броситься к нему в объятия? Но я не могу вести себя так, будто ничего не случилось — да и ты тоже! И поэтому успокойся — ведь мы же не голодаем.

ЭСТЕР. Но я не понимаю — к чему все-таки это упрямство!

ВИКТОР (с возмущением). Да к тому!

ЭСТЕР. Он ведет себя именно так, как ты и предполагал. Так что же ты хочешь?

ВИКТОР. А то что произошло, это как? Такое, детка, быстро не забывается. Он здесь только десять минут, а я отпахал двадцать восемь лет... Давай-ка присядем — надо чтобы мы были вместе.

Он садится — она остается стоять, не зная, что предпринять.

И пожалуйста, твоя выпивка не убежит.

ЭСТЕР (в отчаянии). Вик, все уплывает.

ВИКТОР (чтобы уменьшить окончательную сумму). Дорогая, половина от тысячи сто — пятьсот пятьдесят.

ЭСТЕР. Я не о деньгах.

Из спальни доносятся голоса.

Конечно, он делает широкий жест, так почему бы и тебе не пойти навстречу? (Отбрасывает голову). Мапочка была права, а я никогда не верила собственным глазам. Но теперь буду. Верить тому, что вижу.

В спальне скрипит стул.

ВИКТОР. Вытри-ка щеку.

Входит УОЛТЕР.

Ну как он?

УОЛТЕР. По-моему, ничего страшного. (С теплотой в голосе). Боже, но каков разбойник? (Садится). Ему восемьдесят девять!

ЭСТЕР. Что-то я не верю.

ВИКТОР. Да. Он показывал мне свое...

УОЛТЕР (смеется). Он и тебе тоже его показывал?

ВИКТОР (улыбаясь). Да, британский флот.

ЭСТЕР. Он был в британском флоте?

ВИКТОР (опираясь на поддержку УОЛТЕРА). Его демобилизовали. Так что он не всегда плутует.

УОЛТЕР. Я бы не делал таких выводов. Человек в таком возрасте, а азарт, как у... (Понял, что ВИКТОРА нельзя выставлять дураком). Но все же есть в нём что-то необыкновенное.

ВИКТОР (видит его намерение). По-моему, ты прав.

ЭСТЕР. Так что же нам делать, Уолтер?

УОЛТЕР (небольшая пауза. Он пытается ослабить то, что считает своей неотразимостью, чтобы не слишком доминировать, и чуть заметно улыбается ВИКТОРУ). Есть способ выжать из этого больше. Хотя вы, наверное, его и знаете.

ВИКТОР. Слушай, мне с ним детей не крестить. Если у тебя есть другой оценщик — зови, и мы сравним.

УОЛТЕР. Этого не надо — ведь он же не с улицы. Но вместо того, чтобы продавать, можно было бы ее подарить.

ВИКТОР. Не понимаю.

УОЛТЕР. Все очень просто. Он оценивает ее, скажем, тысяч в двадцать пять.

ЭСТЕР (ее охватывает приступ смеха). Ты это серьезно?

УОЛТЕР. Так делают все. Это фантастика, но все вполне законно. Он оценивает каждую вещь по высшей категории — таким образом получается кругленькая сумма. Затем я жертвую её Армии Спасения. Владельцем в таком случае должен быть именно я, понимаешь, потому что мой налог гораздо выше твоего, поэтому такой жест с моей стороны будет выглядеть естественнее. С меня возьмут процентов пятьдесят, следовательно, если я пожертвую двадцать пять тысяч, то сэкономлю при уплате налога около двенадцати. Которые мы, если вы не против, разделим. Если пополам, то вам — шесть тысяч.

Пауза.

По-моему, Вик, это единственно разумный путь.

ЭСТЕР (смотрит на ВИКТОРА, но он молчит). А тебе это ни во что не влетит?

УОЛТЕР. Наоборот — я тоже получу. (ВИКТОРУ). Я ему сейчас об этом сказал.

ВИКТОР (словно в этом и была загвоздка). И что он ответил?

УОЛТЕР. Сказал, что это дело твое. Но мы же заплатим ему за оценку — монет пятьдесят-шестьдесят, например.

ВИКТОР. И он на это идет?

УОЛТЕР. Ну, конечно, ему бы лучше ее купить, но... Какого черта...

ЭСТЕР. Но это ведь не он предложил?

ВИКТОР. Нет... я просто чувствую, что мы пришли с ним к соглашению и я...

УОЛТЕР. Лично я бы согласился. Пятьдесят монет только за то, что заполнил какую-то бумажку...

ЭСТЕР. Не так уж и плохо — за день-то!

Пауза.

ВИКТОР. Надо подумать.

ЭСТЕР. Если ты собираешься иметь дело с ним, то времени мало.

ВИКТОР (припертый к стене). Ну несколько минут-то у меня есть.

УОЛТЕР (ЭСТЕР). Конечно... пусть подумает. (ВИКТОРУ). Но ты не волнуйся, все законно. Я у себя чуть было такое не сделал, но потом бросил. (Смеется). А теперь моя собственная квартира так захламлена, что очень напоминает вот эту.

ЭСТЕР. Ну, а вдруг вы сойдетесь.

УОЛТЕР. Сильно сомневаюсь, Эстер. Я часто думаю, что мне вообще не надо было жениться.

ЭСТЕР (с издевкой). Почему это?

УОЛТЕР. Seriously. Знаете, у меня странная работа — столько нужно читать, а так мало времени. И за это расплачиваюсь. Я пытался себя обманывать, но истина в том, что времени для общения практически нет. Во всяком случае столько, сколько требует женщина — если она действительно женщина. (Смеется). Но я отлично обхожусь и один!

ВИКТОР. А как я запишу эту сумму в налоговую декларацию?

УОЛТЕР. Ну... запиши как подарок.

ВИКТОР не отвечает. Очевидно, ему это не очень нравится. УОЛТЕР это замечает.

Не обязательно, конечно, но так удобнее. И разрешается.

ВИКТОР. Понятно. Но было бы просто любопытно, как...

УОЛТЕР. Пиши — подарок. И нет проблем.

Видя, как брата охватывает неосознанное возмущение, УОЛТЕР отводит взгляд. ЭСТЕР поднимает брови и смотрит на потолок. УОЛТЕР берет со стола рапиру — явно для того, чтобы сменить тему.

Ты еще фехтуешь?

ВИКТОР (с радостью идёт ему навстречу). Нет, надо же ходить в клуб и так далее. А я в выходные часто работаю. Просто нашел ее там.

УОЛТЕР (словно желая снять напряжение). Мама любила смотреть, как он фехтует.

ЭСТЕР (удивлена, довольна). Правда?

УОЛТЕР. Еще бы. Она ходила на все турниры.

ЭСТЕР (ВИКТОРУ, ей приятно). Ты мне никогда об этом не рассказывал.

УОЛТЕР. Конечно, она и заставила его ходить на фехтование. (Смеется, ВИКТОРУ). Считала, что это самый красивый вид спорта.

ВИКТОР. Что ж, она была права.

УОЛТЕР (смеётся, вспоминая). А как он смотрелся! (Расстёгивает пиджак, показывая грудь). У меня до сих пор вот здесь синяки! (ВИКТОРУ, который смеётся). Особенно в этих французских перчатках, которые она...

ВИКТОР (вспоминая). Постой... (Осматривается — какая-то идея пришла ему в голову). Интересно где, чёрт возьми... (Быстро идет к бюро). Подожди, по-моему, они всегда были в...

ЭСТЕР (УОЛТЕРУ). Французские перчатки?

УОЛТЕР. Она привезла их из Парижа. Такие расшитые. Он был похож в них на мушкетера.

Из ящика, где лежали коньки, ВИКТОР достает пару украшенных гербами фехтовальных перчаток.

ВИКТОР. Да вот же они! Подумать только!

ЭСТЕР (протягивая руку). Какая прелесть! (Берёт одну).

ВИКТОР. Господи, а ведь я о них совсем забыл! (Надевает одну).

УОЛТЕР. Рождество двадцать девятого.

ВИКТОР (двигая пальцами в перчатке). Смотри-ка, они все еще мягкие... (УОЛТЕРУ, немного стеснясь, но все же решается). А ты-то как всё это помнишь?

УОЛТЕР. Почему же нет? А разве ты не помнишь?

ЭСТЕР. Он маму помнит плохо.

ВИКТОР. Нет, помню. (Смотрит на перчатки). Но вот лицо: пытаюсь представить — и не могу.

УОЛТЕР (с теплотой в голосе). Непонятно, Вик... (ЭСТЕР). ...ведь она его боготворила.

ЭСТЕР (довольно). Правда?

УОЛТЕР. Виктора? Да. Если вдруг начинался дождь, она брала его галоши и бежала в школу. Для своего Виктора — Господи! А когда маленьким он зажигал спичку, она говорила: "Это второй Луи Пастер!"

ВИКТОР. Странно... вот и арфа! Будто слышу, как она играет, а представить лицо тем не менее... (Молчание. Он смотрит на арфу).

УОЛТЕР. Что тебя волнует?

Пауза. ВИКТОР хочет что-то сказать, поворачивается и смотрит на УОЛТЕРА, который вдруг смутился и выглядит непонятно озабоченным.

СОЛОМОН (с несчастным видом выбираясь из спальни. Он в пиджаке, но галстук развязан. Не выходя на авансцену). Пожалуйста, доктор, если вы не против, я вас попрошу... (Умолкает, жестом приглашая УОЛТЕРА в спальню).

УОЛТЕР. В чем дело?

СОЛОМОН. Пожалуйста, на минутку.

УОЛТЕР встаёт. СОЛОМОН смотрит на ВИКТОРА и ЭСТЕР и возвращается в спальню.

УОЛТЕР. Я сейчас. (Быстрыми шагами идет в спальню).

Пауза. Не в силах посмотреть на нее, ВИКТОР сидит, не говоря ни слова.

ЭСТЕР (с деликатностью и жалостью, чувствуя в нем внутреннюю борьбу). Почему не принимать его как он есть?

Он смотрит на нее.

Ну, не можешь же ты ждать, чтобы он извинился, Вик, очевидно, он видит ситуацию совсем по-другому.

Он не отвечает. Она подходит к нему.

Понимаю, это трудно, но, по-моему, он собирается сделать широкий жест.

ВИКТОР. Да, по-моему, тоже.

ЭСТЕР. Знаешь, что нам сейчас нужно? Взять пару недель и куда-нибудь махнуть. Покончить со всем этим и посмотреть, как живут нормальные люди. Без всех этих злых мелких людишек с их мерзкими штучками. Я серьезно — это не романтика. А то мы во всем видим подвох.

ВИКТОР (глядя вперёд). Станный тип.

ЭСТЕР. Почему?

ВИКТОР. Приехать сюда как ни в чем не бывало.

ЭСТЕР. Почему бы и нет? А что ему было делать?

ВИКТОР (после небольшой паузы). Я ему скажу.

ЭСТЕР (с легким волнением, меньшим, чем она чувствует). Что скажешь?

ВИКТОР. Ты думаешь, я должен взять деньги и заткнуться, так?

ЭСТЕР. А что толку ворошить прошлое?

ВИКТОР (ободряя себя — напряжение еще не спало). Пока не поговорю с ним — не возьму ничего.

ЭСТЕР (испуганно). Тебе неприятно думать, что он вдруг порядочный?

Он резко на неё смотрит.

Да, дорогой, прости, но я должна была тебе это сказать.

ВИКТОР (не повышая голоса). Да, мне неприятно, что он порядочный!

ЭСТЕР. Так ты откажешься от этих денег, да? Тогда тебе придется объяснить мне почему. Ведь легче всего валить все на него, на систему или еще Бог знает на что! Вроде, ты свободен, но ты ведь и пальцем не пошевелишь, Виктор, вот что меня бесит! (Молчание. Тихо). А теперь возьми эти деньги.

Он не отвечает и смотрит на нее.

Возьми эти деньги или между нами все кончено, слышишь? Если ты ни тпру ни ну, то это не значит, что я должна тонуть вместе с тобой. Имей это в виду.

Из спальни слышится какой-то шум. Она выпрямляется. Медленным лёгким движением руки ВИКТОР приглаживает волосы, словно готовится к сражению.

УОЛТЕР (выходит из спальни, улыбается, качает головой. Показывая на спальню). Ну ребята, это зверь! Где ты его достал, знал что ли раньше?

ВИКТОР. Нет, с чего ты взял. И что он сказал?

УОЛТЕР. У него ещё не пропало желание купить всё. (Смеется). Он говорит, ты позвонил и добавил ему пять лет жизни.

ВИКТОР. Ладно, какая разница. Мне как-то всё равно.

УОЛТЕР (уловив едва различимый упрек). Нет, это же отлично, просто замечательно. (Садится. Небольшая пауза). Мы не совсем понимаем друг друга, не так ли?

ВИКТОР (с ясно видимой жадой противостоять улыбке УОЛТЕРА). Мне немножко не понятно, Уолтер... да.

УОЛТЕР. Что непонятно?

ВИКТОР медлит с ответом.

Да говори же, когда мы будем объясняться, в гробу?

ВИКТОР. Ладно. Приведу только один пример. Я звонил тебе в понедельник, во вторник, сегодня утром еще раз.

УОЛТЕР. Я уже все объяснил.

ВИКТОР. Но я же звонил не просто так. Твоя эта сестра, она разговаривала со мной, словно я чума или что-нибудь еще. Это так унижительно!

УОЛТЕР (странным голосом, он очень огорчен). Мне жутко неудобно, ей не следовало этого делать.

ВИКТОР. Знаю, Уолтер, но не могу представить, чтобы такой тон был ни с того ни с сего.

УОЛТЕР (теперь он видит глубину возмущения ВИКТОРА). О нет, она часто не в духе. И я никогда её не настраивал по отношению к тебе.

ВИКТОР молчит, слова УОЛТЕРА его не убедили.

Ты что, мне не веришь? Мне правда неудобно. Дел было по горло — оттого всё так и получилось.

ВИКТОР. Ты спросил — я ответил.

УОЛТЕР. Да, верно. Но понял по-своему. (Небольшая пауза. Его напряжение усиливается, но он бравировует). А теперь о налоге. Он согласился оценить это в двадцать пять тысяч. (Делая усилие). Хочешь — с радостью отдам тебе все, что на этом выгадаю.

Небольшая пауза.

ЭСТЕР. Двенадцать тысяч?

УОЛТЕР. Сколько получится.

Пауза — ЭСТЕР медленно переводит взгляд на ВИКТОРА.

Тебе должно быть скоро в отставку, не так ли?

ЭСТЕР (взволнованно). Можно было уйти и сейчас, но он все решает, что дальше.

УОЛТЕР. О-о... (ВИКТОРУ — его смущение теперь заметно довольно ясно). Значит, сумма будет очень кстати, так?

Вместо ответа ВИКТОР лишь достаивает его взглядом.

А мне она не нужна — и в этом все дело. И, по правде говоря, я давно собирался тебе об этом заявить.

ВИКТОР. Почему это?

УОЛТЕР (неожиданно, со странным коротким смешком протягивает руку и трогает ВИКТОРА за колено). Но не будь же таким подозрительным!

ВИКТОР. Просто я пытаюсь понять что к чему, Уолтер.

УОЛТЕР. Так, хорошо. Отлично.

Небольшая пауза.

Потому что пришло время друг друга понять. Только и всего.

Небольшая пауза.

ВИКТОР. Знаешь, Уолтер, я ведь несколько раз звонил тебе еще до этой истории с мебелью — года три назад.

УОЛТЕР. Я был болен.

ВИКТОР (удивленно). О... Но сколько раз я просил передать, что звонил.

УОЛТЕР. Я был очень болен. Лежал в больнице.

ЭСТЕР. Что с тобой было?

УОЛТЕР (после небольшой паузы, как если бы он был не очень уверен, стоит ли это говорить). Нервы не выдержали.

Небольшая пауза.

ВИКТОР. А я и не знал.

УОЛТЕР. По правде говоря, я только начинаю входить в курс дела, ведь перерыв длился почти три года. (С желанием показать, что все в порядке). Но я даже благодарен за это судьбе — никогда не был счастливее, чем сейчас.

ЭСТЕР. По-моему, ты стал совсем другим.

УОЛТЕР. По-моему, Эстер, тоже. Я по-другому живу, по-другому думаю. Живу теперь в небольшой квартирке, и у меня нет больше этих... богаделен.

ВИКТОР. Каких богаделен?

УОЛТЕР (к нему возвращается довольство собственным поведением). О, у меня было три богадельни. Вы же знаете, как на стариках делают капиталец их нуждающиеся безрассудные дети. Как они пытаются избавиться от родителей — это просто фантастика! Но теперь я с ними покончил, и половину своего времени провожу сейчас в городских больницах. И, скажу вам, — я живу! Впервые в жизни. Я практикую — и это все. (Пытается расположить к себе улыбкой). Иногда, конечно, ограбишь какого-нибудь миллионера, но это так, чтобы самому хватало, правда. (Здесь его исповедь пока заканчивается, и он ожидает реакции ВИКТОРА).

ВИКТОР. Что ж, это должно быть здорово.

УОЛТЕР (пытаясь ухватиться за это минутное одобрение). Вик, я хочу, чтобы мы поговорили подольше, так много хочется тебе сказать... (Дело идет не так, как бы ему хотелось, поэтому он должен вдохнуть в свои чувства дополнительную энергию). У меня ведь никогда не было друзей — впрочем, ты это знаешь. Всё происходит как-то постепенно. Когда начинаешь — хочешь быть лучшим, а для этого нужно быть одержимым. Надо столько знать, а времени так мало. И для этого убираешь все лишнее... (Улыбается). Включая людей. И, конечно, приходит час, когда понимаешь, что не ты в жизни делаешь что хочешь, а жизнь что хочет делает с тобой. Становишься

чем-то вроде инструмента, инструмента, который извлекает из людей деньги, а из мира — славу. И так дуреешь. От власти. Думаешь, что раз ты можешь наводить страх, люди будут тебя любить. И думаешь, что и ты их любишь. А на самом деле остается один лишь страх. Однажды под большим кайфом я очнулся на полу посреди собственной гостиной, а в руке был нож: я хотел убить свою жену.

ЭСТЕР. Господи!

УОЛТЕР. О да, я чуть это не сделал. (Смеется). Но в этом безумии был один плюс — если, конечно, совсем не спятил. Видишь ужас — не тот, от которого кричат, а тот медленный ежедневный страх, который мы называем честолюбием, предусмотрительностью и жадой денег. Но главное — и я давно хотел тебе это сказать: ведь это ты помог мне увидеть его в себе.

ВИКТОР. Я?

УОЛТЕР. Да. (Смущен, но пытается улыбнуться). Своей жизнью. Я никак не мог понять этого, Вик, ведь в конце-то концов — ты же лучше учился... И остаться на такой работе все эти годы... Мне представляется это... (Обрывает фразу: неопределенность реакции ВИКТОРА делает его улыбку еще более широкой). Знаешь, мне это и в голову не приходило, пока я не заболел: ты ведь сам сделал свой выбор.

ВИКТОР. Выбор? Какой выбор?

УОЛТЕР. Ты хотел настоящей жизни, а это дорого обходится. (Наконец он нашел нужную тему: видит, что затронул струнку в душе брата; теперь возникает прилив доверия). Я знаю, может быть это жутко наивно, но, по-моему, в отношениях имеет значение все, даже мелочи. По правде говоря, я не хотел с тобой на этой неделе говорить, потому что боялся. Я так долго создавал концепцию собственной личности и вовсе не уверен, что ты сможешь ее разделить. Но мне бы хотелось... (В недоуменном взгляде ВИКТОРА он видит разрешение продолжать). Представь: я дошел до ручки: стал бояться собственной работы; в конце концов перестал оперировать. Знаешь, бывают минуты, когда оставь человека в покое — он проживёт год, а то и два, но если взять скальпель — то сразу умрёт. И решение часто бывает... ну не совсем, но, в общем, спорное. Но его всё же принимаешь и считаешь, что делаешь правильно. Или вообще ничего не считаешь, как я до поры до времени. (Небольшая пауза. Он больше не смеётся. На его лице виден оттенок смущения). А потом была серия неудач. Это может произойти с каждым, но со мной до тех пор не происходило — так чтобы одно за другим. Во всех этих случаях одно было общим: этих людей считали неоперабельными. И вдруг совершенно неожиданно... мне открылись мотивы моих действий. Почему я шел на риск там, где другие, даже самые опытные, отказывались? Первое, что пришло мне в голову — чтобы добиться невозможного. Посрамить конкурентов. Но в конце концов я понял, что есть тут что-то еще. И это что-то еще — страх. Он-то и управляет мной — мозгом, руками, честолюбием — и целых тридцать лет.

Небольшая пауза.

ВИКТОР. Страх чего?

Пауза.

УОЛТЕР (теперь он смотрит прямо на ВИКТОРА). Страх того, что со мной когда-нибудь случится то же... (Смотрит на кресло в центре комнаты). ...что и с ним. Что однажды вечером я вдруг пойму, что деградировал и выброшен на помойку. (С лёгким намеком на немедленный вызов). Ты ведь понял, о чем я, а?

ВИКТОР медленно отворачивается — он отказывается принять ситуацию.

Так вот почему ты занялся другим?

ВИКТОР (чувствуя обязанным ответить себе). В некотором роде. Хотя были и иные причины.

УОЛТЕР. Вик, мы оба бежим от одного и того же. Я думал, что хочу быть наверху, но что такое верх — так и не увидел. Меня засосало болото успеха и чековых книжек, тебя же — служба. Но разница в том, что защищая себя, ты никому не мешал. И я научился уважать это, Вик, ты ведь просто пытался стать людям полезным.

ЭСТЕР. По-моему, прекрасно прийти к такому самопознанию.

УОЛТЕР. Эстер, очень странно, в больнице, впервые с того времени, как мы были детьми, я вдруг почувствовал себя... братом. Так было когда-то... (ВИКТОРУ). ...и мне кажется, теперь я знаю, как нам снова стать друзьями.

ВИКТОР (после небольшой паузы, неуверенно). Что ж, прекрасно, я очень рад.

УОЛТЕР (у него в запасе есть еще кое-что, но он понимает, что на верном пути и уверенно продвигается в этом направлении). Видишь, вот почему ты все ещё женат. А сейчас такое редко бывает. И почему твой мальчик в полном порядке. Да потому что вы действительно жили. (ЭСТЕР). Но вы это знаете и даже лучше, чем я сам.

ЭСТЕР. А я и не знала, что мы знаем, Уолтер.

УОЛТЕР (немного поколебавшись, делает решительный шаг). Послушайте, у меня безумная идея — она, возможно, покажется вам абсурдной, но я хочу, чтобы, прежде чем отвергать, вы все-таки бы ее обдумали. Насколько я понял, Виктор всё еще не решил, что делать дальше. Ты уходишь в отставку?

ВИКТОР. На днях решу. Пока еще думаю.

УОЛТЕР (нервно). Могу я что-то предложить?

ВИКТОР. Конечно, давай.

УОЛТЕР. Мы набираем людей для нового дела. Работа административная, что-то вроде бюро связи между учеными и правлением. И мне много раз приходило в голову, что тебе бы она подошла.

Небольшая пауза.

ЭСТЕР (ее надежды оправдались). Это было бы прекрасно!

ВИКТОР (после небольшой паузы, смотрит на неё довольно холодно, но голос выдаёт его волнение). И что я там мог бы делать?

УОЛТЕР (чувствуя его интерес). Пока ничего определенного, но места для людей с образованием...

ВИКТОР. Но у меня нет диплома, ты же знаешь.

УОЛТЕР. Но ты, если не ошибаюсь, изучал аналитическую химию, математику, физику, почувствуешь, что тебе чего-то не хватает — походишь вечером на курсы. Но, по-моему, подготовка у тебя достаточная. Что ты на это скажешь?

ВИКТОР (борется с искушением, но ему интересно). Ну... я бы, если можно, хотел поподробнее.

ЭСТЕР (словно для того, чтобы на него надавить). А было бы здорово, если б он занялся наукой. Ведь это единственное, чего он всегда хотел.

УОЛТЕР. Я знаю. Жаль, что из этого ничего не вышло. (Поворачиваясь к ВИКТОРУ). Всё будет в два счёта, Вик, ведь я председатель комитета. Я всё устрою...

Входит СОЛОМОН. Все с удивлением к нему поворачиваются. Кажется, он собирается что-то сказать, но, опасаясь чего-то, меняет своё решение.

СОЛОМОН. Извините меня, продолжайте. (С волнением идёт к своему портфелю и роется в нём — первоначально это не входило в его намерения). Простите, что помешал. (Достаёт апельсин и идёт в спальню. По пути останавливается и говорит УОЛТЕРУ). Я насчёт арфы. Если вы решите продать мне всё, тогда я набавлю ещё пятьдесят долларов. Итого тысяча сто пятьдесят, и никто из вас никому не будет делать одолжение.

УОЛТЕР. Смотрите, потеплело!

СОЛОМОН. Я честный человек! И вы не будете волноваться по поводу оценок и скидок, идёт? (Прежде чем УОЛТЕР успевает ответить). Но пожара нет, я могу подождать. Всегда к вашим услугам. (С озабоченным видом быстро идёт в спальню).

ЭСТЕР (рассмеявшись, ВИКТОРУ). Где ты его нашел?

УОЛТЕР. Этакую прелесть. И основан на высоких моральных принципах.

ЭСТЕР хохочет, УОЛТЕР вместе с ней — ВИКТОРУ остаётся присоединиться. УОЛТЕР поворачивается к брату.

Так что, Вик? Договорились?

Смех прекращается. Улыбка на лице ВИКТОРА тает. Он смотрит в пространство, словно что-то решает. Пауза всё продолжается и продолжается и начинает казаться, что он вообще не заговорит. Никто не знает, как нарушить смущающее всех молчание.

Наконец он обращается к УОЛТЕРУ — быстрым движением поворачивает к нему голову — видно, что он решил сделать первый шаг.

ВИКТОР. Уолтер, чего ты от меня хочешь — никак не пойму?

УОЛТЕР поражен, озадачен, он с трудом верит своим ушам. Но ВИКТОР смотрит на него твердым взглядом.

ЭСТЕР (выступая как миротворец, скрывая своё потрясение и негодование). По-моему, это не очень корректно, а?

ВИКТОР. Почему некорректно? Мы обсуждаем сейчас важные вопросы. (УОЛТЕРУ). Не думай, что я не ценю твоё предложение, Уолтер, но ведь так много всего произошло, а? (С усмешкой). И странно ни с того ни с сего вдруг предлагать...

УОЛТЕР (подавляя возмущение). Я просто хотел сделать сейчас первый шаг, только и всего. По-моему, у нас такие сложные отношения, что мне казалось, надо попытаться...

ВИКТОР. Знаю, но боюсь, что выяснять их как-то неудобно.

УОЛТЕР (неохотно, в его голосе слышится гнев). Что значит неудобно?

ВИКТОР (немного подумав, но назад пути уже нет). А как ты хочешь?

УОЛТЕР. И всё-таки удивительно. После стольких лет нельзя, конечно, раз поговорить — и все выяснить. Или можно? Мне просто казалось, что при желании мы могли бы... мы... (Замечает его непреклонность). А, к чёрту! (Быстро идёт и хватается своё пальто и одно из вечерних платьев). Сколько вытрясешь из старика — всё твоё, мне ничего не надо. (Подходит к ЭСТЕР и протягивает ей руку, выдавливая улыбку). Прости, Эстер. И всё-таки рад был тебя повидать.

Ей почти дурно, но руку она пожимает.

Может, ещё и увидимся, Вик. Пока. (Идёт к двери. На глазах у него слёзы).

ЭСТЕР (прежде чем успевает подумать). Уолтер!

УОЛТЕР останавливается и вопросительно на неё смотрит. Она с безнадёжностью переводит взгляд на ВИКТОРА. Но он тоже во власти эмоций.

УОЛТЕР. Не вижу причин для обиды. Виктор, ты меня просто удивляешь. Да, я не вижу и хочу, чтобы ты это знал.

ЭСТЕР (немного успокоившись). Тут не обида, Уолтер.

ВИКТОР. Для меня всё это тоже фантастика. За столько лет я и книги-то не открыл — а тут исследовательская лаборатория.

ЭСТЕР. Но Уолтер считает, что у тебя достаточная подготовка.

ВИКТОР (с усмешкой, в которой скрыт гнев по отношению к ней). Эстер, да я и химию-то знаю хуже любого школьника. (УОЛТЕРУ). И физику тоже! Бог с тобой, Уолтер. (Смеётся). Нашёл время!

УОЛТЕР. Не сомневаюсь, что ты и сам сможешь у нас для себя что-то найти.

ВИКТОР. Каким это образом? Таская бумажки из одного кабинета в другой?

УОЛТЕР. Это несерьёзно.

ВИКТОР. Почему? О том, что я твой брат, скоро забудут. Двадцать восемь лет я трубил полицейским, и у меня не осталось мозгов для научной работы. Так к чему это всё?

УОЛТЕР. Опять к чему? Я ведь с тобой откровенно, Виктор.

ВИКТОР. Не думаю.

УОЛТЕР. Как? Значит, ты считаешь, что я...

ВИКТОР. Когда ты говоришь то, что сказал только что, я...

УОЛТЕР. А что я сказал?

ВИКТОР (с непоколебимо холодной улыбкой). "Жаль, что ничего не вышло из твоих занятий наукой!"

УОЛТЕР (удивленно). Ну и что здесь плохого?

ВИКТОР (смеётся). Давай, Уолтер, давай!

УОЛТЕР. Но мне правда жаль. И всегда было.

ВИКТОР (всё ещё улыбается и показывает на кресло в центре). В этом кресле сидел человек и смотрел в пустоту. Помнишь такое время?

УОЛТЕР. Да, и очень хорошо. И каждый месяц я посылал ему деньги.

ВИКТОР. Каждый месяц пятёрку.

УОЛТЕР. Я мог себе позволить тогда только это. Но причём тут ты?

ВИКТОР. Как причём тут я?

УОЛТЕР. Да, этого я понять не могу.

ВИКТОР. А остальное, по-твоему, кто ему давал?

УОЛТЕР. Виктор, но ты сам так решил, ты, а не я.

ВИКТОР. Я решил!

УОЛТЕР. Виктор, однажды в этой комнате мы долго с тобой разговаривали.

ВИКТОР (не помнит). О чём?

УОЛТЕР (удивленно). Виктор! Мы же пришли к полному взаимопониманию — как раз после того, как вы с отцом сюда переехали. Я сказал тебе тогда, что получу образование — пусть хоть мир рухнет — и посоветовал тебе сделать то же самое. Кроме того, я предупреждал, чтобы ты не позволял ему портить тебе жизнь. (ЭСТЕР). И если память мне не изменяет, на вашей свадьбе я говорил то же самое.

ВИКТОР (со скептической усмешкой). И какой дьявол должен был о нём заботиться?

УОЛТЕР (непонятный страх заслоняет его ярость). А почему вообще кто-то должен был? Он ведь не был болен и вполне мог бы работать.

ВИКТОР. Работать? В тридцать шестом? Не имея ни профессии, ни денег?

УОЛТЕР (взрываясь). Тогда он мог жить на пособие! Кто он такой, король в изгнании? А что делали в это время остальные сто пятьдесят миллионов? Он бы не пропал, Виктор. Господи, ну теперь-то ты это понял?

Небольшая пауза.

ВИКТОР (вопрос УОЛТЕРА неожиданно привёл его в ярость. Он поворачивается к ЭСТЕР). Эстер, с меня хватит! Снова здорово! Пошли отсюда! (Быстрыми шагами идёт в спальню).

УОЛТЕР (мгновенно реагируя). Пожалуйста, Вик! (Хватает его за руку — тот её отдёргивает). Я не хочу говорить про него плохо. Я ведь по-своему его даже любил.

ЭСТЕР (как бы отступая со своих прежних позиций). Послушай, Вик, по- моему, тебе следовало бы об этом поговорить.

ВИКТОР. Бесполезно! Этот разговор ни к чему не приведёт. (Идёт в спальню).

УОЛТЕР. Да он же тебя эксплуатировал!

ВИКТОР останавливается, оборачивается — лицо его пылает гневом.

Неужели и это для тебя не важно?

ВИКТОР. Заруби себе на носу, Уолтер: ничьей жертвой я не был.

УОЛТЕР. Но я тебе это и хотел сказать и вовсе не собирался тебя учить.

ВИКТОР. Да, ты уж не собирался! Интересно, как бы ты со мной разговаривал, если б у меня был миллион? (Резко меняет тон). Извини, Уолтер, но весь этот разговор ни к чему; я ведь ничего не выбирал: в холодильнике пусто, а он там сидит и просит есть.

Небольшая пауза.

Я его не начинал, и все это меня не интересует, но когда ты говоришь о моём выборе и о том, что я должен был продолжать заниматься наукой, приходится отвечать. Потому что ты хочешь представить всё в выгодном для себя свете. (Заканчивает эту фразу, находясь от УОЛТЕРА на некотором расстоянии).

УОЛТЕР (в его тоне вызов смешан с беспокойством). Хорошо. А как по-твоему?

ВИКТОР. Послушай, Уолтер, ты ведь недавно выздоровел, так зачем же себя взвинчивать?

УОЛТЕР. Затем, что для меня это важно!

ВИКТОР (пытаясь улыбнуться — дружески). Но для чего это надо? Ведь всё уже в прошлом. (Вновь направляется в спальню).

ЭСТЕР. По-моему, Виктор, он пришёл сюда с добрыми намерениями.

Он сердито к ней поворачивается, и она храбро встречаем его взгляд.

Не понимаю, почему бы тебе не обдумать его предложение.

ВИКТОР. Я сказал, обдумую.

ЭСТЕР (сдерживаясь чтобы не закричать). А на самом деле и не собираешься! (Немного его боится, но настаивает). По-моему, очень хорошо сказать правду, хуже ведь все равно не будет!

ВИКТОР. Какую правду? Ты о чем?

Из спальни неожиданно выходит СОЛОМОН.

ЭСТЕР. Господи, чего еще вы хотите?

СОЛОМОН. Просто я не хочу, чтоб вы думали, что я сейчас ее не оценю. Сейчас я дам, я сделаю...

ЭСТЕР (указывая на дверь спальни). Пожалуйста, оставьте нас!

СОЛОМОН (неожиданно его эмоции прорываются наружу; он указывает на ВИКТОРА). А что вы от него хотите — он же полицейский! Я оценщик, этот доктор, а он полицейский, так зачем же разрывать его на куски?

ЭСТЕР. Ну хватит, один из нас должен эту комнату покинуть.

СОЛОМОН. Пожалуйста, Эстер, дайте я... (Быстро подходит к УОЛТЕРУ). Доктор, пожалуйста, послушайте моего совета — оставьте вы это, что из этого может выйти? Даже если вы получите скидку, откуда вы знаете, что через два-три года они не перерешат и заставят вас выплатить разницу? Не мне вам говорить, что на федеральное правительство положиться нельзя. Я очень хорошо понимаю, что вы хотите как лучше... (ЭСТЕР). ...но через два-три года вы увидите, что вышло не лучше, а совсем наоборот. (ВИКТОРУ и УОЛТЕРУ). Другими словами, дети мои, я хочу...

ЭСТЕР. Хотите мебель.

СОЛОМОН (кричит на нее). Эстер, если б я ее не хотел, я бы ее не покупал. Но разве они могут что-то решить? Ведь все зависит от федерального правительства, как вы не понимаете? А если не могут — так пусть это дело оставят. (В его взгляде предупреждение и тревога). А теперь, пожалуйста, сделайте, как я вам говорю! Наверное, я не дурак! (Покачиваясь, идет в спальню).

УОЛТЕР (через мгновение). Пожалуй, что-то в этом есть, Вик. Почему ты наконец не продашь ее, тогда мы сможем спокойно посидеть и поговорить. (Смотрит на мебель). А в такой обстановке не очень удобно. Можно тебе позвонить?

ВИКТОР. Конечно.

ЭСТЕР. Вы оба просто великолепны. (Пытается рассмеяться). Мы отдаем эту мебель задаром и только потому, что никто не смог сказать даже элементарных вещей. Вы бесподобны — вы оба!

УОЛТЕР (слегка пристыженный). Не так-то все просто, Эстер.

ЭСТЕР. Но какого черта — тогда скажу я! Когда он приходил к тебе, Уолтер, просить полтысячи, они ему были необходимы, чтоб дотянуть до диплома...

ВИКТОР. Эстер? Не...

ЭСТЕР. Но ведь это стоит между вами, разве не так? И, наверное, Уолтер, может объяснить. Я хочу сказать... Господи, да будет этому конец? (УОЛТЕРУ, не останавливаясь). Потому что его потрясло это, Уолтер. Он никогда не признается, но... (Бросается в бой). У него не было ни малейшего сомнения в том, что ты не откажешь. Но когда ты не дал...

ВИКТОР (словно ему это надоело). Эстер, но он же только написал...

ЭСТЕР (рассчитывая произвести впечатление, идёт своим путем). Тогда ты говорил по-другому. И, пожалуйста, не перебивай! (УОЛТЕРУ). У тебя тогда уже был дом в Гринич-Виллидж, ты уже был вполне обеспечен, так?

ВИКТОР. Ну и что? Он считал, что не может...

УОЛТЕР (с некоторым страхом, быстро). Нет-нет, я... я мог ему одолжить. (Тихо садится). Вик, сядь, пожалуйста, на минутку.

ВИКТОР. Не вижу смысла...

УОЛТЕР. Нет-нет, именно сейчас и надо поговорить. Мы никогда об этом не говорили, а, по-моему, стоит. (Небольшая пауза, ЭСТЕР). Это, конечно, подлость, но теперь я уже не могу остановиться на полдороге.

Небольшая пауза.

Через несколько дней после того, как ты у меня был, я звонил тебе, чтобы все-таки их дать. Ты знал об этом?

Небольшая пауза.

ВИКТОР. Куда ты звонил?

УОЛТЕР. Сюда. И разговаривал с отцом.

Небольшая пауза. ВИКТОР садится.

Я почувствовал, что сделал гадость и...

ВИКТОР. Гадости ты не делал.

УОЛТЕР (неожиданно повышая голос). Это было ужасно! (Как бы борясь с прошлым). Поговорим в другой раз, а? Я не готов пускаться в...

ВИКТОР безучастен.

Во всяком случае... Когда я позвонил сюда, он сказал мне, что ты пошел работать в полицию. А я ответил, что он не должен был тебе этого позволять. Я сказал, что у тебя прекрасная голова, немножко удачи — и ты добьешься успехов в науке. Что полиция

это напрасная трата сил. И так далее. А он ответил: «Виктор хочет мне помочь, и я ему мешать не буду.»

Пауза.

ВИКТОР. Ты сказал, что готов дать мне деньги?

УОЛТЕР. Виктор, ты же помнишь его беспомощный голос. В то время? Когда умерла мама и он был выбит из колеи?

ВИКТОР (настаивая). Дай-ка мне подумать, Уолтер. Значит, ты ему сказал...

УОЛТЕР (с болью, но пробиваясь к цели). Бывают разговоры, в которых потом нельзя объяснить — почему сказал то, и не сказал это. Я не оправдываюсь, но хочу, если можно, чтобы ты понял. Мне казалось, что вы оба были нужны друг другу, Вик, нужны больше, чем я вам. Я никогда не имел твоей... веры в него, этого... доверия. Я знал, что он эгоист и считал это нормальным а ты этого, кажется, даже не замечал. Здесь я ругаю себя за недостаток сыновних чувств, понимаешь? Но когда он заявил, что ты хочешь ему помочь, я почувствовал, что мне, пожалуй, не следует вмешиваться. Это как вставать между вами.

ВИКТОР. Понятно. Потому он никогда и не говорил, что ты предлагал ему деньги.

УОЛТЕР. Я хочу только сказать, что... ты никогда не был мне безразличен — в этом всё дело. Ведь я звонил, чтобы тебе одолжить, но из-за него это стало невозможным. Видишь?

ВИКТОР. Вижу.

УОЛТЕР (горячо). Правда?

ВИКТОР. Да.

УОЛТЕР (чувствуя, что сказано не все). Пожалуйста, скажи, что думаешь. Нельзя же так продолжать. Что ты хочешь сказать?

ВИКТОР (после небольшой паузы). По-моему, вышло всё очень удобно... для тебя.

УОЛТЕР (с ужасом). И это всё?

ВИКТОР. Да, я так считаю. Если ты думал, что отец для меня столько значит — и по-моему, в определенном смысле так оно и было — почему ты решил, что полтысячи нас поссорят? Я бы и дальше его содержал, но при этом бы кончил учебу, только и всего. Твоя версия меня не устраивает.

УОЛТЕР (в его голосе слышны истерические нотки). А какая устраивает?

ВИКТОР. Просто ты не дал мне денег, потому что не хотел.

УОЛТЕР (он оскорблен и почти в ярости — небольшая пауза). Так просто...

ВИКТОР. Но ведь так оно и было, разве нет? Ты, конечно, никому ничего не должен, но, если хочешь кому-то помочь, — помогай, если нет — то нет. (Замечает в

глазах УОЛТЕРА крушение надежд и нетерпение в глазах ЭСТЕР). Ну, и чему ты теперь удивляешься? Ведь человек делает то, что хочет, не так ли?

УОЛТЕР не отвечает. Беспокойство ВИКТОРА растёт.

Раз не понимаешь, зачем ты тогда вообще завел этот разговор?

УОЛТЕР. И у тебя даже нет желания что-то исправить?

ВИКТОР. Я не против, но каким образом?

ЭСТЕР. По-моему, Виктор, он выразился достаточно ясно. Он хочет, чтобы вы снова стали друзьями.

ВИКТОР. Предлагая мне работу и двенадцать тысяч.

УОЛТЕР. А почему бы и нет? Что еще я могу тебе предложить?

ВИКТОР. Но с какой стати ты вообще мне должен что-то предлагать?

УОЛТЕР молчит, его благородный порыв приостановлен.

Словно меня надо спасать или вроде того.

УОЛТЕР. Просто я почувствовал, что есть работа, которая тебе по душе и я...

ВИКТОР. Уолтер, у меня ведь нет образования, так зачем это? Думаешь, одним росчерком можно зачеркнуть двадцать восемь лет? За все приходится расплачиваться. Я за свое расплатился и больше не плачу. Ты ведь тоже расплатился, не так ли? У тебя нет ни жены, ни семьи, ты не можешь найти себе места. Так почему бы тебе не вернуться домой и не начать все сначала? Вот мы и приехали, и раз уж начистоту, то скажу я тебе, что при жене не надо было всего этого говорить.

УОЛТЕР (смотрит на ЭСТЕР, он определённо ошеломлён). А что я сказал?

ВИКТОР (пытаясь засмеяться). Уолтер, нас не нужно спасать! Я делал работу, которую должен был делать, и, по-моему, неплохо. Ты говорил, что покончил с машиной возней, а по-моему, ты увяз в ней и, может, даже глубже.

ЭСТЕР (вставая). Виктор, я пошла.

ВИКТОР. Но, пожалуйста, Эстер, ведь он высказался, и я считаю своим долгом ему ответить.

ЭСТЕР (сердито). Но какой этого прок!

ВИКТОР (подавляя желание взорваться). А такой, что, по-моему, ты вообще перестала что-то соображать! (Дрожа, поворачивается к УОЛТЕРУ). Ты что, хотел сказать, что моя жизнь коту под хвост? Так?

УОЛТЕР молчит.

Ну, поправь же меня, может, я неверно понял. Потому что смысл именно таков.

УОЛТЕР (ЭСТЕР). По-моему, ему просто невозможно...

ВИКТОР (еще более решительно, потому что УОЛТЕР, похоже, готов объединиться с ЭСТЕР). Что невозможно? Чего ты хочешь, Уолтер?

УОЛТЕР (выдержав паузу, из которой видно, что он еще не повержен. И всё же со страхом в голосе). Просто я хотел быть тебе полезен. Жизнь меня кое-чему научила, но, вероятно, не всему. И сейчас я только хотел использовать.

ВИКТОР. Использовать? Каким образом?

УОЛТЕР (понимая, что это, может быть, и отступление, но теперь уже на карте его честь). Я чувствую, что мог бы... помочь. Почему надо повторять одни и те же ошибки снова и снова? Просто я решил сейчас использовать удобный момент, раз упустил его раньше.

Эти слова ВИКТОРА не убедили.

И хочу сказать: если мы сейчас не помиримся, хуже от этого будет только тебе.

ВИКТОР. Как это было когда-то.

УОЛТЕР молчит.

Ты это имел в виду?

УОЛТЕР (сначала нерешительно, но затем, закрыв глаза, бросается в бой). Да, именно это.

ВИКТОР. Ну, я так и предполагал. Знаешь, у полицейских есть одно хорошее качество: приучаешься слушать, потому что, если этого не умеешь, можешь кончить с ножом между лопаток, другими словами, никакой проблемы нет, я её выдумал.

УОЛТЕР (отбрасывая осторожность — его характер проявляется). Виктор, не из-за этих пяти сотен ты не получил диплома. Ты ведь мог и оставить отца — он был вполне ещё в форме.

ВИКТОР. А двенадцать миллионов безработных — это что, тоже моё больное воображение? И то, что мне приходилось воровать уведший салат в греческом ресторане на углу, тоже? И искать в гнилых грейпфрутах съедобные куски?

УОЛТЕР. Я не собираюсь отрицать...

ВИКТОР (прямо ему в лицо). Мы здесь питались отбросами, ты, вертопрах!

ЭСТЕР. Но какой прок...

ВИКТОР (ЭСТЕР). Что ты хочешь сказать — всего этого не было? (УОЛТЕРУ). "Он вполне в форме"! А его состояние? Да человек просто боялся выходить на улицу!

УОЛТЕР. Но, Виктор, его уже нет.

ВИКТОР (с криком, чувствуя слабость своей позиции). Брось повторять "его уже нет"! (Он разбит и чувствует себя бесконечно одиноким). Но тогда-то был! А система не выдержала — или я её изобрёл?

ЭСТЕР. Нет, дорогой, но теперь ведь всё изменилось.

ВИКТОР. Что изменилось? Мы армия дьявола, мы захватили этот город, а когда он снова взорвётся, спасибо, если у нас останется хоть крыша над головой! (УОЛТЕРУ).

Да как ты мог мне такое сказать? Оставить его и чтобы он жил на пятерку в месяц? Извини, но мозги ты мне не запудришь, и если у тебя рыльце в пушку, то у других нет. Говоришь, пришел всё выяснять, а пытаешься всех здесь одурачить. Никто нашу жизнь не придумывал, на тебе лежала ответственность, а ты взял да избавился от нее... Можешь идти, я пришлю тебе твою половину. (Отвернувшись от УОЛТЕРА, идёт через комнату).

Длинная пауза.

УОЛТЕР. Если ты умеришь свой гнев, я тебе кое-что скажу, Вик.

ВИКТОР не двигается с места.

Я знаю, что должен был сказать это много лет назад. И я пытался. Когда ты пришел ко мне, я сказал тебе, помнишь, я сказал: "Проси денег у отца". Я это сказал.

Пауза.

ВИКТОР. Что ты имеешь в виду?

УОЛТЕР. То, что у него были почти четыре тысячи.

ЭСТЕР. Когда?

УОЛТЕР. Когда вы здесь питались отбросами.

Пауза.

ВИКТОР. Откуда ты это взял?

УОЛТЕР. Он просил меня куда-нибудь их поместить.

ВИКТОР. Поместить?

УОЛТЕР. Да. Как раз перед тем, как послал тебя ко мне.

ВИКТОР молчит.

Вот почему я никогда не посылал ему больше. А если по совести, то и вообще посылать было не надо.

В молчании ВИКТОР садится. Он ни на кого не смотрит — стыд застилает ему глаза, но он ещё пытается с ним бороться.

ВИКТОР (как бы всё ещё проверяя факты). Так в самом деле? И где, в банке?

УОЛТЕР. В основном, Вик. На них-то он и жил, почти до самой смерти. А то, что мы ему давали, ему бы не хватило.

ВИКТОР. Но он несколько раз же куда-то устраивался...

УОЛТЕР. Но это ему почти ничего не приносило. Верь мне, жил он на свои. Я сказал ему тогда, что если ты будешь учиться, я его буду содержать. Но он продолжал смотреть, как ты бегаешь с работы на работу, чтобы прокормить его. И я, чёрт возьми, не стал приносить в жертву еще и себя. Так можешь ты это понять или нет?

ВИКТОР поворачивается к креслу в центре комнаты и, качая головой, издает стон, в котором к гневу примешивается изумление.

Малыш, сейчас на него сердиться бессмысленно. Помнишь, что с ним было, когда он понял, что ничего больше не заработает? Тогда он был безутешен.

ВИКТОР (протестуя — он всё ещё не верит). Но он же видел, что я соержу его, разве нет?

УОЛТЕР. Он не знал, как долго...

ВИКТОР (сердито). Что значит "как долго"? Мог сообразить, что никуда я не денусь...

УОЛТЕР. Знаю, но всё-таки он был уверен, что рано или поздно это случится.

ЭСТЕР. Он думал, что Виктор уйдет.

УОЛТЕР (боится, что ВИКТОР снова вспыхнет и гасит разгорающееся пламя). Ну... можно считать, что да.

ЭСТЕР. А я это знала! Господи, когда я научусь верить собственным глазам?

УОЛТЕР. Он был в ужасе, дорогая, и... (ВИКТОРУ). Я не хочу сказать, что он не испытывал к тебе признательности, но на самом деле он не мог ничего понять. И мне тоже казалось, Вик, что тебя надолго не хватит.

ВИКТОР смотрит на брата: на лице УОЛТЕРА деликатность, но чувствуется, что он может вот-вот взорваться.

Ну, теперь ты должно быть видишь, что нянчиться с ним было нечего. Такой-то ценой!

ВИКТОР не отвечает.

ЭСТЕР (с грустью). Он понимает.

УОЛТЕР (чтобы сгладить углы и прийти к примирению). Мы можем работать вместе. Знаю, что можем. И я бы хотел попробовать. Твой ответ?

Длинная пауза. ВИКТОР теперь смотрит на ЭСТЕР, стараясь увидеть выражение её лица. Он понимает, что она хочет, чтобы он согласился. Его вот-вот начнет тошнить. В конце концов он поворачивается к УОЛТЕРУ и новое выражение (он знает!) появляется в его голосе.

ВИКТОР. Почему ты не сказал мне, что у него были деньги?

УОЛТЕР. Я сказал, когда ты пришел у меня занимать.

ВИКТОР. "Спроси отца"?

УОЛТЕР. Именно!

ВИКТОР. Но разве я пришёл бы к тебе, если б имел хотя бы отдаленное представление, что у него под задницей четыре тысячи. Так что эти твои слова — все равно что ничего.

УОЛТЕР. Подожди секунду... (Показывает на арфу).

ВИКТОР. Кончай, Уолтер... Прости, но это даже оскорбительно, мне же не пять лет! И для чего это мне сейчас! Знать, что у него есть деньги, приходить сюда столько раз, сидеть и смотреть на меня в этом мундире? А теперь ожидать от меня...

УОЛТЕР (резко). Но ты и сам знал, что у него есть кое-что, Виктор!

ВИКТОР. Чего тебе от нас надо? Чего тебе?

УОЛТЕР. Я бы на твоём месте не сидел бы здесь и не ел бы гадость — она-то ведь была! (Показывает на арфу). Даже в самом худшем случае за неё дали бы пару сотен, а, может, и больше! И ты бы получил свой диплом. И диплом, а может, кое-что ещё.

ВИКТОР дрожит и не отвечает.

Но если ты продолжаешь верить в придуманную тобой картину, продолжай. Боже, у меня и своих фантазий достаточно. (Идёт за пальто).

ВИКТОР. Фантазия...

УОЛТЕР. Это фантазия, Виктор. Что твой отец сидит без гроша, что твой брат — сукин сын, а ты во всем этот даже не участвуешь. Я сказал "спроси отца", потому что он сидел перед тобой и ты мог видеть, что у него есть деньги. Ты это знал, и наверняка знаешь это и сейчас.

ВИКТОР. По-твоему, если у него что-то и оставалось, то...

УОЛТЕР. Что значит что-то?

ВИКТОР (пытаясь отступить). Я же не знал, что он...

УОЛТЕР. Но ты знал, что у него есть деньги?

ВИКТОР (его поймали; словно во сне, где ничего нельзя объяснить). Я этого не говорил.

ЭСТЕР. Тогда что ты сказал?

ВИКТОР (показывая на УОЛТЕРА). А у него ты не хочешь спросить?

ЭСТЕР. Я хочу понять тебя. Ты знал, что у него есть деньги?

ВИКТОР. Не четыре ты...

ЭСТЕР. У него хватало на жизнь?

ВИКТОР (кричит от ярости и для облегчения). Я что, должен был припереть его к стенке? Он сказал, у него ничего нет!

ЭСТЕР (спрашивая и утверждая). Но ты ведь знал, что есть!

ВИКТОР. Не помню, — знал — не знал. (Сказал это и удивился своему голосу и своим словам. Он сидит, уставившись в одну точку, не в состоянии бороться с чувствами, которые на него нахлынули).

ЭСТЕР. Но это же фарс! Какой-то дьявольский фарс!

ВИКТОР. Нет, не говори так.

ЭСТЕР. Фарс! Заткнуть нас в эту меблированную комнату только затем, чтобы ты оплачивал его существование? Даже после свадьбы ты ему что-то посылал! Не иметь больше детей, жить как мыши в норе — и все это время знать, что у него... Виктор, я пытаюсь понять тебя. Виктор, Виктор!

ВИКТОР (мучаясь, рычит). Прекрати!

Молчание.

Господи, но так же нельзя. Этот человек был похож на побитую собаку, ему стыдно было выйти на улицу. Так как же можно было просить у него последний грош?

ЭСТЕР. Опять ты своё? Да у него же были четыре тысячи!

Он умолкает.

И всё это игра. Побитая собака — он просто был расчетливый обманщик! И в душе ты это знал!

Он молчит, потому что этот факт пока представляется ему непостижимым.

Понятно, почему ты молчишь — да за все эти годы ты слову-то ни одному своему не верил! Все эти годы мы жили с тобой, а ты врал мне каждый день! Каждый день коту под хвост, каждый день, каждый.... И всё чтобы покрывать этого жалкого манипулятора! И не удивительно, что жизнь для меня была как сон, только сон этот какой-то дьявольский, кошмарный сон! Я знала, что всё это не имело никакого отношения к действительности, знала и не вмешивалась. Но больше так я уже не смогу — ни одного дня. Умирать мне ещё рано... (Идёт за сумкой. Садится. Пауза).

ВИКТОР (к ней не подходит — не в состоянии. Стоит от нее в нескольких шагах). Но ведь это тоже неправда.

ЭСТЕР. А правда, что лучше умереть.

ВИКТОР. Я сейчас расскажу всё как было, послушайте.

Она чувствует, что он объяснит все слишком просто и потом защиты уже не будет. Он отходит, собирается с силами, смотрит на кресло в центре, потом на УОЛТЕРА.

Я ведь передал ему твои слова и всё выяснил. (Умолкает и смотрит на кресло). Не то чтобы выяснил, просто сказал: "Уолтер посоветовал мне тебя спросить." (Пауза. Его взгляд устремлен на кресло в центре; он вспоминает, и последняя реплика была обращена к креслу).

УОЛТЕР. И что он ответил?

ВИКТОР (спокойно). Он засмеялся, а что дальше — я не знаю. По правде говоря, Эстер, я слышал этот смех примерно раз в неделю, словно над моей шуткой, что мы едим отбросы.

Пауза.

Я не знал, что дальше, поэтому взял и ушёл. Я пошёл... (Садится, глядя на кресло). ...в Брайонт-парк за публичной библиотекой. Там на траве сидело много людей — словно поле боя или какая-то огромная ночлежка под открытым небом. И это были не бродяги — некоторые в начищенных ботинках и дорогих шляпах — это были разорившиеся бизнесмены, адвокаты, квалифицированные рабочие. Да я их видел сотни раз. Но вдруг — слышите? — вдруг я понял.

Небольшая пауза.

Что милосердия-то нет. Нигде. (Смотрит на кресло у стола). Сегодня ты глава дома, глава фирмы, и вдруг превратился в говно. За один день. И тогда я вспомнил этот его смех: как же он мог их зажать, ведь он так меня любит!

ЭСТЕР. Любит!

ВИКТОР (в его голосе резкий протест). Да, Эстер, любит! Значит, просто не хочет кончить вот так, на траве! Понимаешь, тут уже не любовь, тут главное — выжить. Мы-то это знаем — и очень хорошо!

Чувствуя язвительность его тона, она не отвечает.

Мы делали то, что должны. (Говоря это, широким жестом показывает на ЭСТЕР, УОЛТЕРА и на себя). Так о чём тогда речь? Если даже у него что-то и было...

ЭСТЕР. "Если было"...

ВИКТОР. Что это меняет? Я знаю, это идиотская мысль, но что это меняет? Он больше уже ни в кого не верил — и этого я вынести не мог! (Кажется, что неожиданный возврат его прежних чувств ему не слишком по нраву. О УОЛТЕРЕ). А он на него наплевал. А мать... (Говорит в сторону УОЛТЕРА. Паузы почти нет). Вечером, когда он сказал нам, что стал банкротом, мать.. Это было вон на том диване. Она была разодета, по-моему они собирались куда-то в гости, её волосы были завязаны в пучок, и длинные серьги... А он был в смокинге. Мы все сели — и он это сказал. А она как начнёт блевать... (Небольшая пауза. В его голосе к ужасу примешивается жалость). И прямо ему на руки, ему на руки. Тридцать пять лет — а я и сейчас это вижу. А он сидел, и от него воняло как от помойки. А на лице такое выражение — я такого ни у кого не видел. Сидел и ждал, когда это высохнет. (Пауза. Он поворачивается к ЭСТЕР). И какая разница, знаешь ты — не знаешь. Если знаешь, что всегда делаешь? (Он отводит глаза, но его чувства ей уже понятны). Это, конечно, его не извиняет, какой идиотизм, я и сам прекрасно понимаю. Но нас же учили верить друг другу, пичкали подобным дерьмом — и теперь ты по-другому просто не можешь, так? Я решил: буду с ним возиться, вот он увидит, что кто-то все еще... (Так и не объяснившись, умолкает и садится). Не могу объяснить, ну, словом... я не хотел чтобы... всё развалилось. Я... (Глядя в пространство, умолкает).

Пауза.

УОЛТЕР (спокойно). Что-то тут не так, Вик.

ВИКТОР смотрит на него, затем он обращается к ЭСТЕР.

Ты же видишь, ведь речь-то шла не об этом. (ВИКТОРУ). Понимаешь?

ВИКТОР (спокойно, с желанием продолжать). Что понимаю?

УОЛТЕР (развивая свою идею). И всё действительно развалилось? И нас в самом деле учили друг другу верить? И стремиться к успеху, не так ли? А ведь уважал-то он меня, а не тебя, а? Так что же развалилось? Чему было разваливаться?

ВИКТОР смотрит в окно на распускающиеся почки.

А разве в доме вообще была любовь? Вот, когда она действительно стала ему нужна, тогда ее и потянуло блевать. А когда он был нужен тебе — он смеялся. Невыносимо не то, что все развалилось, а то, что и разваливаться было нечему.

ВИКТОР отворачивается. На его лице страх.

ЭСТЕР (словно и ей приходится участвовать в разбирательстве). Но как... как же можно в этом признаться, Уолтер?

УОЛТЕР (ей). Нужно! (ВИКТОРУ). И то, что ты видел за библиотекой, малыш, происходило не от того, что в мире нет милосердия, а только от того, что в этом доме не было любви. Не было верности. Не было ничего — кроме денежного соглашения. Вот что невыносимо. А ты всё это видел и пытался заставить себя забыть.

ВИКТОР (с ужасным беспокойством). Заставить забыть...

УОЛТЕР. Вик, я же участвовал в этой игре. Участвовал тридцать лет — старался спасти себя от этой трагедии. А когда понял, что никакой трагедии не было и нет — тогда и вышел, слава Богу, живым. Да они никогда не любили друг друга: она тысячу раз повторяла, что их брак погубил ее музыкальную карьеру. Я понял, что тут и разваливаться нечему, и эта блевотина на его руках меня не преследует. И теперь я не ищу нигде никаких козней, время целиком принадлежит мне, и теперь я смело могу людям верить. Я всегда хотел только одного — заниматься наукой, но сделал себя удачливым добытчиком. Ты же... (ЭСТЕР с теплой улыбкой). Он всегда боялся вида крови. Такой был застенчивый, чуткий.. (ВИКТОРУ). И чем ты занимаешься? Выбрать одну из самых жестоких профессий? Так мы, Вик, себя и делаем кем-то, и все для того, чтобы заставить забыть то, что знаем. Ты сделал из себя жертву, а свою жизнь — долгом, но нельзя утверждать то, чего не существует. Но ты даже не утверждаешь, ты отрицаешь, отрицаешь, что знал про них всё. И о себе тоже. Вот что стоит между нами сейчас — иллюзия, Вик. Что я на них наплевал, а ты, не в пример мне, их поддерживал. Но я ещё тогда понял то, что ты сейчас: там и предавать было некого. И я тебе не враг,

Это тоже иллюзии, и если ты сможешь от неё избавиться, тогда мы могли бы вместе... (Его стремление к миру написано на нём). Вот почему — и я это уже говорил — в больнице меня так резануло: ведь мы же... мы же братья! Только шли по двум разным дорогам, но из одной западни. Мы почти как... (Улыбается тепло, но еще не слишком уверенно). ...половинка одного и того же существа. И головой можем двигать только вместе. Никогда не чувствовал?

ВИКТОР не отвечает.

Вик!

ВИКТОР. Сейчас отвечу. Уолтер, бывают дни, когда я сам не могу припомнить — что я имею против тебя. (Сквозь ничего не выражающий смешок видно, как он страдает). Это давит как камень. Я смотрю на себя в витрины и вижу, как лысею. Я брожу по улицам, но понять почему — не могу. И когда все причины отпадают, прямо сходишь с ума: даже ненавидеть не умеешь!

УОЛТЕР. Потому что все они вымышленные, Вик, и в глубине души ты понимаешь, что так оно и есть.

ВИКТОР. А что невымышленное?

УОЛТЕР. Как тебе сказать..

ВИКТОР. Сейчас я тебя не виню, я просто спрашиваю. Я могу понять, почему ты ушёл и тысячу раз жалел, что не сделал того же. Но прийти сюда, когда столько лет знал и молчал?

УОЛТЕР. А если я скажу, Виктор, скажу, что у меня всегда было желание тебя вернуть, что тебе это даст?

ВИКТОР. Ты действительно этого хотел? Уолтер, скажи же правду!

УОЛТЕР. Чтобы работать мне нужна была свобода, и ты хочешь сказать, что испортил тебе жизнь. (Встает и кричит). Ты ведь сам всё выбрал, Виктор, что ж, а теперь пожинай плоды!

ВИКТОР. А что пожинаешь ты? Пытаешься превратить меня в ходячего пятидесятилетнего неудачника? Ты уйдёшь — а нам с ней жить и смотреть друг другу в глаза. Это твои плоды?

УОЛТЕР. Я предложил тебе всё, что мог.

ВИКТОР. Если б ты пришёл с чем-нибудь хорошим, я бы почувствовал. Я бы почувствовал!

УОЛТЕР (идёт за пальто). Но ты не хочешь правды, ты хочешь безобразия.

ВИКТОР. Ты пришёл повидаться, так? Очень хорошо!

В дверях УОЛТЕР останавливается.

А уходишь с уважением, карьерой, деньгами и тем, чего тебе никто не скажет, а значит, можно поверить: что ты чертовски хороший парень и в своей жизни никогда и мухи не обидел! Но даже если ты мне это скажешь — я тебе этого не скажу!

УОЛТЕР. А ты? Разве у тебя нет ко мне ненависти? Разве ты никогда не мечтал увидеть, как я терплю крушение? Мечтал меня сокрушить, сокрушить с помощью своей священной жертвы, этой пародии на жертву! Её ты мне можешь предложить?

ВИКТОР. Никакой жертвы у меня нет. Больше нет. И ты мне ее тоже не можешь принести. Не можешь ничего — теперь я это понял. Я просто не хотел, чтобы он кончил на траве. И он не кончил. Вот и всё — и больше мне ничего не надо. Я не могу с тобой работать, Уолтер, Я тебе не верю.

УОЛТЕР. Месть. До самого конца. (ЭСТЕР). Он пожертвовал своей жизнью ради мести.

ЭСТЕР. Ничем он не пожертвовал.

УОЛТЕР (ВИКТОРУ). И ещё повесится на моей двери, чтобы доказать, какой я вероломный сукин сын!

ЭСТЕР. Оставь его, Уолтер, пожалуйста, не говори ничего!

УОЛТЕР (его унизили; он в ярости и делает незапланированный шаг к двери). Вы сдались — вы оба! (Ей и ВИКТОРУ). Задрать лапы и сдаться — вот вся ваша философия. А какая зависть!

Входит СОЛОМОН — он сразу же всё понимает и переводит взгляд с одного на другого.

Но до сегодняшнего дня у вас даже духу не хватало это признать! Но то, что вы неудачники, это не дает вам никакого морального преимущества! Только не передо мной! Свои деньги я заработал, и по улицам ходят люди, которых не было бы в живых — если б не я. Именно так. (Идёт к двери, затем показывает на кресло в центре сцены). Он был умнее всех нас, он видел, к чему ты стремишься, и он тебе это дал! (Неожиданно обеими руками хватает СОЛОМОНА за голову и смеётся). Давай, старый дурак, грабь их, им это нравится! (Опускает руки и поворачивается к ВИКТОРУ). И ты никогда, никогда больше не заставишь меня каяться! (Большими шагами идет к двери и вдруг замечает лежащее на обеденном столике вечернее платье — при его виде на какой-то момент удивленно застывает. Затем сгребает его и бросается к ВИКТОРУ, с криком швыряя платье в него).

От этой дикой выходки ВИКТОР отступает.

ВИКТОР. Уолтер!

Тень оскорблённой улыбки появляется на лице УОЛТЕРА. Он хотел бы раствориться в воздухе — поворачивается, едва глядя на ВИКТОРА, идёт к двери и, распрямляясь, выходит. ВИКТОР, помедлив, нерешительно идёт к двери.

Может, не надо было ему на улицу в таком...

СОЛОМОН (движением руки его останавливая). Пусть идёт.

ВИКТОР неуверенно поворачивается к СОЛОМОНУ.

И что теперь будет?

ЭСТЕР. Ха, сами видели.

СОЛОМОН поворачивается, вопросительно на неё глядя.

Вы-то верите собственным глазам.

СОЛОМОН (думая, что она его упрекает). Ну и что?

ЭСТЕР. Ничего — всё прекрасно. Может, потому, вы всё ещё уходите.

ВИКТОР поворачивается к ней — она смотрит на дверь.

Когда я впервые вошла по этой лестнице — мне было девятнадцать, сейчас это трудно представить. И у него был брат — самый умный и замечательный молодой доктор... на свете. Он скорее должен был им стать. Так или иначе. (Поворачивается к креслу в центре сцены). А этот довольно милый безобидный джентльмен вечно чего-то ждал... И на следующей неделе — Господи, мы никогда не видели и не слышали о том, как приходят: все разбивают и все уносят. И столько раз — я думала — он хотел только одного — поговорить со своим братом, и если б они поговорили... Но вот он пришел и ушел, а я всё ещё это чувствую — разве не ужас? Мне всегда казалось, что ещё один маленький шаг, и сюда снизойдет какое-то невероятное прощение — и всех возвысит. Так когда же ты перестанешь быть таким... дураком?

СОЛОМОН. У меня была дочь, мир её праху, она кончила самоубийством. Почти пятьдесят лет назад. И каждую ночь, как только я засыпаю, она уже сидит рядом. Я вижу ее так же ясно, как вижу вас. Но если бы произошло чудо и она бы вернулась к жизни, что бы я ей сказал? (Поворачивается к ВИКТОРУ и платит). Семь вы уже получили, вот я даю вам восемь, девять, десять, одиннадцать. (Роется в карманах и достает пятьдесят долларов). А вот и пятьдесят за арфу. А теперь извините — у меня сегодня еще столько работы! (Берет блокнот и карандаш и тщательно записывает каждую вещь).

ВИКТОР (складывая деньги). Если хочешь, мы ещё успеем в кино.

ЭСТЕР. Хорошо.

Он идёт к костюму и начинает развязывать упаковку.

Не волнуйся.

Он на неё смотрит — она поворачивается к СОЛОМОНУ.

До свидания, мистер Соломон.

СОЛОМОН (глядя на нее исподлобья). До свиданья, дорогая, мне так нравится этот костюм, такой он красивый! (Продолжает работать).

ЭСТЕР. Спасибо. (Уходит).

ВИКТОР (застёгивает портупею, завязывает галстук). Когда вы её заберете?

СОЛОМОН. С божьей помощью, если буду жив, это первое, что я сделаю завтра утром.

ВИКТОР. А это потом. Здесь моя рапира, маска и перчатки. (Надевает китель).

СОЛОМОН (продолжая работать). Не беспокойтесь, их я не трону.

ВИКТОР (протягивая руку). Рад был с вами познакомиться, Соломон.

СОЛОМОН. Взаимно. А я вас хотел бы поблагодарить.

ВИКТОР. За что?

СОЛОМОН (кивая в сторону мебели). За... ну кто бы поверил, что я этим снова займусь? (Обрывает себя). Но идите, уже идите. У меня здесь столько работы.

ВИКТОР (идя к двери, надевая фуражку). Счастливо оставаться.

СОЛОМОН. Оставаться или не оставаться — этого, мой мальчик, никогда не знаешь до самой последней минуты.

ВИКТОР (улыбаясь). Правда. Да. (Обводит комнату последним взглядом). Ну... до свидания.

СОЛОМОН (в то время, как ВИКТОР выходит). До свидания — до свидания. (Он остается один с блокнотом и карандашом в руке — берет карандаш и продолжает работать. Но вскоре перестаёт, осматривается и начинает понимать, что произошло. Теперь он в смятении и беспокойстве. Рука дотрагивается до щеки, подступает страх, глаза начинают бешено вращаться по комнате. Наконец его взгляд останавливается на граммофоне. Он встаёт, осматривает его, заводит, ставит мембрану на пластинку и нажимает на пуск. Играет пластинка — "комики". Как только они начинают шутить, его угнетенное состояние сменяется удивлением. Вот он уже улыбается, хихикает. Потом смех на пластинке кончается, и он кивает, что-то вспоминая. Но вот он вновь начинает смеяться, качает головой, будто говорит: "Нет, есть ещё порох..." Смех на пластинке и его собственный становятся громче, вот они уже сливаются. Он хватается за голову и не в состоянии перестать смеяться садится в кресло в центре сцены. Разваливается в нем — к его смеху теперь примешиваются слезы, и начинает отчаянно выть).

Занавес медленно опускается.

Замечания автора для режиссёра.

Зрительские симпатии должны быть поделены между Виктором и Уолтером. Актер, играющий Уолтера, не должен рассматривать свои попытки завоевать дружбу Виктора как простую манипуляцию. С начала и до конца Уолтер пытается провести в жизнь то, что он узнал о себе; он вызывает симпатию в зависимости от своей откровенности, глубины чувств и страдания, с которым играет эта роль.

Это замечание выходит за пределы вопросов сценического искусства и темы пьесы. Мир сейчас устроен так, что братья обладают всеми качествами, необходимыми для участия в нем; соответственно их психологии и моральные ценности вступают в конфликт по сути социальной дилеммы. Поэтому при постановке следует отказаться от категоричности суждений для того чтобы показать в обоих братьях их человечность и их точки зрения на жизнь. И в самом деле, каждый, в основном, доказал другому, что другой знал, но предпочитал не смотреть правде в глаза. В итоге каждый, требуя от другого того, что было принесено в жертву времени, понимает, что собственное устройство жизни так или иначе задето.

Пьеса может быть сыграна с антрактом, как это указано в конце первого акта. Однако, если условия позволяют, лучше перерыва не делать.

Конец.

129075, Москва, а/я № 2, тел. (095) 216 5995

Агентство напоминает: постановка пьесы возможна только с письменного согласия автора